

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Олег Раин

Башня

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Олег Раин

Башня

Издательство «Детская литература»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Раин О.

Башня / О. Раин — Издательство «Детская литература»,
2022 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея
Михалкова)

ISBN 978-5-08-006721-1

У 15-летнего Антона в жизни два главных смысла, две вершины, которыми он дорожит и которые готов защищать. Они обе дороги и необходимы ему. Одна – вполне реальная – недостроенная в 90-е годы Башня в центре города, «бетонная игла», своеобразный экстрим, оккупированный городской молодёжью. Башня – это опасные подъёмы по старой и ржавой лестнице на высоту в 200 метров, рискованные трюки, преодоление своих страхов и ощущение высоты и полёта. А ещё – это своя «башенная» атмосфера и энергетика, особые отношения с приятелями-руферами, не скованные условностями земного времени и пространства. Вторая вершина – это Алиса, в которую Антон влюбился, слепая девчонка с другим – внутренним, сердечным – зрением, которым она видит и воспринимает мир ярче, глубже и точнее, чем многие зрячие. Благодаря ей реальность для Антона приобрела множество неизвестных ему ранее красок, оттенков, звуков. По-иному заиграли в его сознании знакомые прежде ценности и смыслы. Алиса поняла и почувствовала Антона как никто другой. И он не смог не рассказать ей про Башню, и даже не смог отказать в её просьбе забраться туда... Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006721-1

© Раин О., 2022
© Издательство «Детская
литература», 2022

Содержание

О конкурсе	9
Башня	10
Туман	12
Глава первая	19
Глава вторая	25
Глава третья	31
Глава четвертая	37
Глава пятая	43
Глава шестая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Раин

Башня

© Н. Н. Бурдыкина., иллюстрации, 2022

© Рыбаков А., оформлении серии, 2022

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2022

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2020 году подведены итоги уже седьмого Кон-курса.

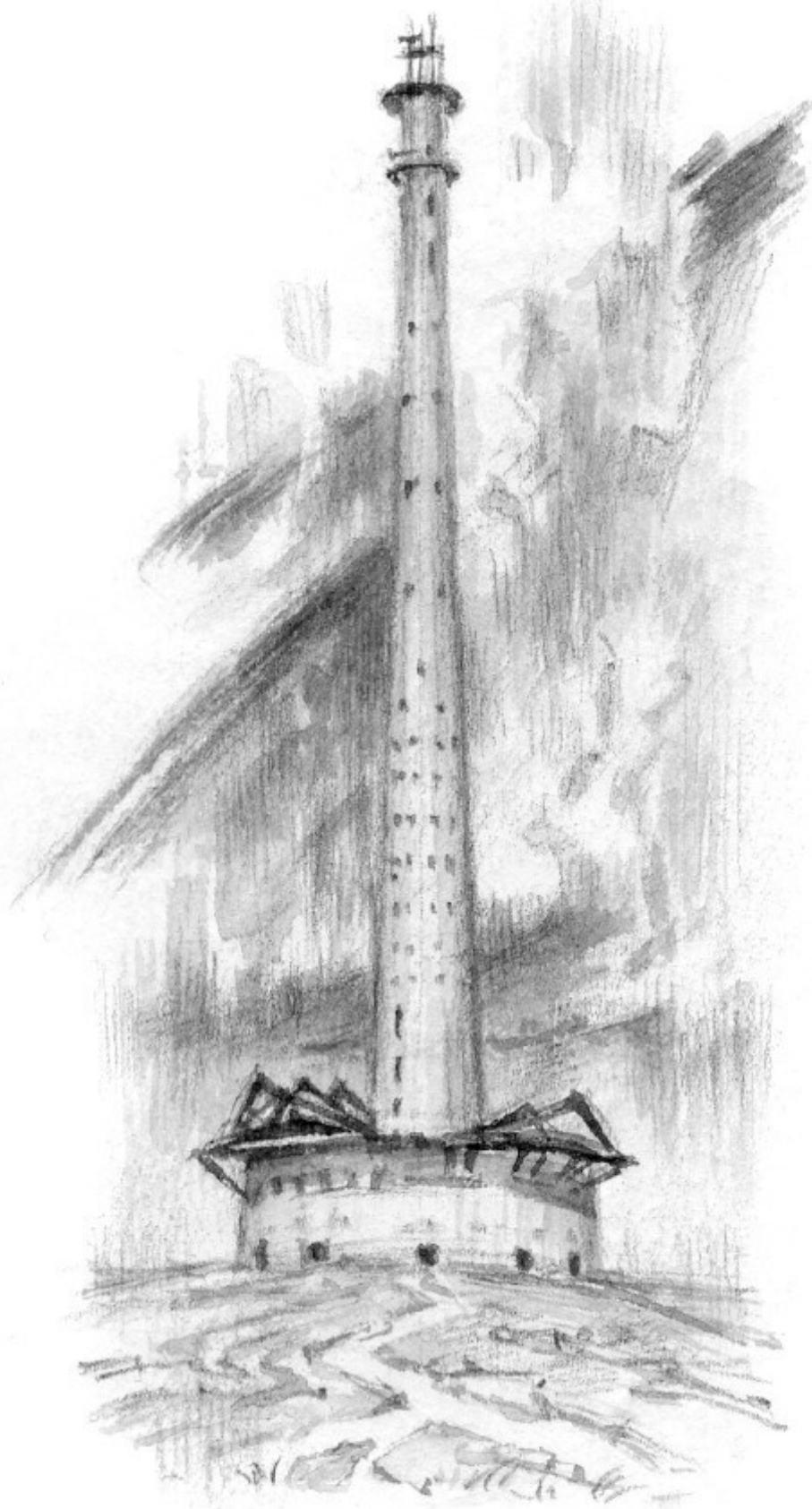
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2022 года в серии уже издано более 50 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов седьмого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Башня
Повесть

Туман

Батя называл это смогом, мама – туманом. Только откуда у нас на Урале взяться туманам? Это в далеком Владике туманы – обычное дело, у нас-то с какого перепугу? Мы и с Алисой на эту тему успели посудачить, и снова она меня поразила. Нет, правда, сколько раз с ней встречаюсь – постоянно узнаю что-то новое. Вот как такое объяснить? И приходят на ум два варианта: либо Алиса – скрытый гений, либо я – законченный пень. Словом, Алиса рассказала мне, что когда-то весь наш Урал был дном гигантского моря – и даже не моря, а целого океана. Так его, между прочим, и прозвали – Уральский океан. А размером он был не меньше Северного Ледовитого. Поэтому у нас и сегодня полно мест, где запросто можно нагрести самых настоящих кораллов – реликтовых, которым почти пятьсот миллионов лет! Практически – полмиллиарда! Здрóрово, да? А раз имеются кораллы, почему бы не быть и туманам? Климат-то меняется – вот и к нам, в Рифейское царство, стала заглядывать прежняя океаническая погода.

Попутно умнющая Алиса разъяснила мне про «ледовитость» – что есть разница между ледяным и ледовитым. Хорошенькая такая разница! Поскольку суффикс *овит* означает смысловое усиление. Сами сравните: «плодовый» и «плодовитый», «басовый» и «басовитый»... В общем, снова у нас получилось что-то вроде экскурсии в русский язык, из которого я понял, что есть прилагательные слабые и несерьезные, а есть по-настоящему могучие и роковые – с этим самым, значит, суффиксом. А под занавес Алиса еще и коралл мне подарила – считай, кусочек иной жизни, насчитывающей миллионы лет! Я упрятал его в мешочек, повесил в изголовье у кровати. Но иногда, когда наваливалась хандра, прятал под подушку – поближе к своим мрачноватым мыслям...

Словом, туманы в нашем городе случались и раньше, но этот можно было смело отнести к супертуманам. Лишний суффикс ему явно не помешал бы, поскольку приплыл он не из окружающих лесов, не с чадающих торфяников, а напрямик из ночного космоса, огромной мохнатой варежкой накрыв распахнутый городской рот. Каменные десны набережных, кирпичные зубья домов – все потонуло в вязком непроглядном киселе. По радио и телевидению с раннего утра объявили аварийное положение – чуть ли не режим «черного неба», даже в школу разрешили

не ходить во избежание несчастных случаев. Но я-то сразу сообразил, что это ОН – мой долгожданный шанс! И подкрепился основательно, и на диван прилег – сил набраться. А дальше... Даже не знаю, что это было – сон или явь. До сих пор не знаю...

* * *

После гибели главного городского руфера, Сани Курбатова, Башню стали охранять более бдительно. Несколько храбрецов, что пытались туда прорваться, угодили в лапы чоповцев. Холки им намылили основательно, еще и учителям с родителями сообщили, штрафы выпи-сали. Не очень большие, но все равно приятного мало. Конечно, мы знали, что вся эта бдитель-ность продержится недолго, но нас уже откровенно ломало – всех, кто по-настоящему подсел на эту гигантскую бетонную иглу, кто жить не мог без еженедельных восхождений.

А потому обошлось без долгих сборов, и очень скоро я оказался под открытым небом, а точнее – в густом и отчетливо влажном облаке, что неведомым образом заглогло наш город.

Честно скажу: шагать по улицам, которых не видишь, – прикольная штука! Солнца не было и в помине, не было и дорог с заборами и домами, вообще ничего вокруг не было. Я едва угадывал тротуар под ногами, носки кроссовок представлялись парой перемещающихся туда-сюда пятен. Даже мощный фонарь помогал слабо, усиливая зрение на метр или два.

Хорошо хоть прохожих практически не наблюдалось, а то сталкивались бы на каждом шагу. Люди благоразумно отсиживались по домам, и даже те, что отважно добрались до своих авто, плыли по дорогам с черепашьей скоростью, то и дело оглушая пространство пронзитель-ным бибикианьем. Пожалуй, незрячей Алисе сегодняшний маршрут показался бы детской заба-вой, но у меня привычная дорога заняла времени втрое больше.

Я перемещался короткими шажочками – прямо как волонтер в дни «Белой трости», разве что без повязки на глазах. Ее с успехом заменил туман. Двигаясь вдоль поребрика, я представ-лял себя то слепым Пью из «Острова сокровищ», то угодившим в ловушку дельфином. Про них мне тоже как-то поведала Алиса.

Это когда мы петицию подписывали – против отлова косаток на Дальнем Востоке. Вот я сдуру и брякнул, что в детстве был в дельфинарии и очень мне там понравилось, даже упра-шивал родителей еще раз сводить.

– Видно же, что они умные, что с радостью выполняют любые команды... – Я вроде как оправдывался перед Алисой. – Это уже потом я узнал, каково им в неволе. В смысле, значит, не слишком комфортно.

– Да уж, «не слишком»! – Обычно ласковая и радушная Алиса оказалась настроенной воинственно. – Пойми, Антош, у них же все отнимают – родину, глубину, скорость. Еще и от семей отрывают – малышей от родителей и наоборот. А потом в бассейнах они начинают еще и слепнуть.

– Слепнуть? – не поверил я.

– Ну да, практически как мы! У них же сонар – главный орган навигации – даже поваж-нее зрения будет. Дельфины, киты, косатки ловят отраженный ультразвуковой сигнал и видят пространство на многие сотни метров вперед, иногда – на километры. А в бассейнах кругом кафель – отражение бьет в мозг, они попросту глохнут и сходят с ума, представляешь? Наши бассейны для них хуже любой тюрьмы. Именно поэтому они живут в неволе не больше десяти лет. Про это не говорят, но это правда. А на свободе – пятьдесят и шестьдесят л. ет.

– Ни фиги себе! – Я ощущал досаду и злость. Досаду на себя, обормота, и злость на тех, кто зарабатывал на отлове дельфинов. – А в дельфинариях про такое и не подумаешь. Играют себе, к людям ласться – кажутся веселыми.

– Они такие и есть, – подхватила Алиса. – Даже в неволе сохраняют добрейшие качества души...

«Добрейшие качества души» – это она не про людей – про дельфинов сказала!

Чтобы не молчать, я поделился другим воспоминанием:

– А мы как-то в цирк ходили, так там все по-другому было. Тигры со львами выступали. И тоже вроде слушались: по кругу ходили, мячи катали – только все из-под палки. При этом на дрессировщика так смотрели, что ясно было – сожрут и не поперхнутся. Но где-то я потом вычитал, что в зоопарках и цирках животные, наоборот, живут дольше.

– Все правильно. – Алиса спокойно качнула головой. – В этом и кроется главное отличие: существо разумное в неволе чахнет, а неразумному клетка даже милее.

Как-то по-особенному она это сказала. Смысл фразы я тогда сразу не уловил. Потому что всю смотрел на Алису и не мог оторваться. Волосы цвета темного каштана и такой же темный омут глаз – вглядывающихся и невидящих... И ведь как-то она почувствовала мой взгляд! Потому что протянула ладонь, найдя мою руку, быстро погладила.

– Спасибо тебе, Антош!

– Мне? За что? – Я опешил.

– За то, что *так* на меня смотришь...

Ну вот скажите – как она могла это почувствовать?! Каким таким неведомым сонаром?

Даже сейчас, спустя месяцы, я ощутил, как снова ускоряется пульс, как начинают пылать щеки. Я плелся в густом тумане, то и дело спотыкаясь, и губы мои сами собой расплывались в счастливой улыбке. Еще и руку свою захотелось потрогать. В том месте, где гладила ее Алиса. Хорошо, в тумане меня никто не видел. Выглядел я, прямо скажем, болван болваном.

* * *

Забор вокруг Башни без конца чинили и латали, но с тем же упорством с наружной стороны его гнули, резали и ломали, находя десятки способов сделать проходимым. Вот и я на территорию периметра пробрался без особых хлопот: нашарил заветный лаз, отогнул сетку-рабицу и прошмыгнул рыбкай вовнутрь.

Вокруг царила одуряющая тишина, дураков гулять по периметру не находилось – ни двуногих, ни четвероногих. Раньше здесь, случалось, выпускали собак, но нашелся мудрый начальник – запретил. Одно дело – разбившийся руфер, и совсем другое – загрызенный псами. Чего доброго, ответ держать придется. По всей строгости закона. Так что собачки отсутствовали, а вся наличная охрана либо отсыпалась в утлой сторожке, либо загодя рассосалась по домам. И то сказать – кто полезет на Башню в такой туманище! Только самые безбашенные. Но именно таким безбашенным меня и следовало называть. В прямом и переносном смысле слова.

Фонарь я умудренно погасил и передвигался практически на ощупь. Тем не менее дорога была знакома – до выбоины, до малейшего камушка. Я почти не петлял и даже лежащую поперек шпалу перешагнул, толком не рассмотрев. Должно быть, мышечная память сработала – или как там ее...

Дверь цокольного здания была заварена стальными листами, но меня это не волновало. Нашарив знакомую выбоину на стене, я неспешно двинулся влево. Через три шага – земляной бугор, обломок бетонной, рухнувшей в незапамятные времена плиты, разбитый платяной шкаф, а далее оставалось отсчитать семь шагов до нужного окна, что у меня и получилось без единого спотыка. Трос на этот раз еще не сорвали – свисал в нужном месте. На душе сразу полегчало. Значит, кто-то наверху уже был. Он-то и позаботился о тросе. Кто именно – не имело значения. Там, на Пятачке, все были свои.

Ухватившись за трос, я добрался до первой оконной заглушки, подтянувшись, вылез на узенький карниз. Теперь осторожно переместиться и не соскользнуть...

Чертов туман все же подвел. А может, это я чересчур стремительно выпрямился. Балка, подпирающая один из башенных «лепестков», произвела недружелюбный контакт с затылком.

В голове плеснуло болью, череп наполнился звоном, и на секунду-другую мне почудилось, что я лечу вниз. Но только на секунду. Распластавшись морской звездой вдоль стены, я с шипением выталкивал из себя боль. С каждым вдохом-выдохом ее становилось меньше и меньше, сознание потихоньку прояснялось. Действуя на автомате, я нашарил кирпичный срез, зафиксировал пальцы, подтянулся на руках и сделал некрасивый выход силой. Поелозил на животе и, словно гусеница, окончательно выбрался на цокольную площадку. Всё! Никто моего позора не видел, я был на месте. То есть почти на мест е...

По слухам, особо ретивые охранники устраивали засады именно здесь, однако случалось подобное редко. А уж в такой туман их, конечно, можно было не опасаться. Я перекатился по бетонному крошеву, осторожно встал на четвереньки. Включать фонарь все-таки поостерегся: говорят, у некоторых охранников уже и тепловизоры имелись, а эти приборчики могут работать даже в тумане. Конечно, если засекут, следом не полезут, но вот дожждаться внизу с наручниками и парой резиновых дубинок вполне способны. Так что потерпим без фонарей.

Голова после неласкового контакта с балкой продолжала болезненно пульсировать, однако направление я выбрал верное и очень скоро уже мог обнять Башню.

– Привет, роднуля!

Я погладил шероховатый бетон. Совсем как шкуру гигантского бронтозавра, окостеневшего, но не утратившего внутренней жизни. И, как обычно, испытал смешанные чувства – робость напополам с восторгом. Другие риферы всю изобразили из себя дрессировщиков, покоривших высотного зверя, а у меня такое не получалось. Более того – я знал, что этого зверя покорить невозможно и все его благодушие легко и просто может сойти на нет. По крайней мере, счет парней и девчонок, разбившихся здесь, шел уже на десятки. Имена их – с эпитафиями, стихами и разномастными комментариями – украшали тело бетонного гиганта в самых непредсказуемых местах. Сейчас надписи различить было сложно, но я и без того помнил многие из них наизусть.

Перебирая прохладную твердь руками, я добрался до ржавой лестницы, поправил за спиной рюкзак и полез вверх.

Время я не засекал, но первую сотню переключин пробежал довольно резво. Туман с высотой стал менее плотным, и это мне не слишком понравилось. Высота – она ведь страшна прежде всего своей прозрачностью. А мне хотелось и дальше себя обманывать. Страхочные обручи были разбросаны не слишком часто, но в сегодняшнем тумане они были и не нужны. Вязкая серая пелена создавала иллюзию близости земли – словно я и не взбирался никуда, перебирал себе руками-ногами на одном и том же уровне. Даже веселье какое-то накатило – и чего я так боялся? Вот же, всего-то второй раз лезу по внешней лестнице – и никакой дрожи! А первый раз было ох как страшно! Навсегда запомнил. И переключины стискивал так, что пальцы потом неделю болели и в груди болезненно ёкало.

То есть по внутреннему каркасу я поднимался на Пятачок уже раз сорок, но это было совсем не то. Мы и компаниями там карабкались, и анекдоты по дороге травили – шутили да ржали – какие там страхи! Кругом арматура, кабели, а главное – бетонный надежный кокон со всех сторон. Если сорвешься – лететь тебе те же сотни метров, но вот страшно все равно не было. Практически ничуть. А вот снаружи, да без спасительного тумана, меня, помнится, крепко прижало. Потому тогда уже твердо решил: хочу я того или не хочу, а лезть снова придется – возможно, даже не раз и не два, пока не пройдет эта предательская дрожь. Тем более что примеров достойных хватало. Во-первых, Славка – давний мой друг, Сержант с Карасем, Жора бородатый, Юрыч и, конечно, Саня Курбатов.

Впрочем, про Саню – отдельная тема. Он был у нас признанным королем! По слухам, покорял первую высотку города более сотни раз – и это только по наружке! Внутренние подъемы этот красавец уже и считать перестал. А сколько про него всякого рассказывали! Как взбирался на Пятачок в любой мороз и любую непогоду – на время, с завязанными глазами и даже

скованными руками! Ребята шептались, что в нагрудный карман Санька всегда брал с собой документы. Чтобы не было потом проблем «с опознанием тела». Прямо как в воду глядел! Точнее, в пропасть. Ну а пропасть взяла и глянула на него ответно. Как в той жутковатой сказке.

Я попробовал выбросить из головы невеселые мысли. Но все равно подумал, что один из подвигов Сани Курбатова я наверняка смог бы повторить. Во всяком случае, взбираться с завязанными глазами мне было бы значительно легче. Поскольку страшнее всего глядеть вниз – на микроскопические фигурки людей, на тонюсенькие ниточки улиц, на ползущие по ним личинки троллейбусов и автобусов...

И все-таки туман меня изрядно расслабил. Левая кисть успела коснуться заветного узелка, но мозг вовремя не отреагировал. Лесенка здесь не слишком раскачивалась, но одна из перекладин отсутствовала. Руки ее миновали по внешним лестничным полозьям, а вот ноги сплеховали. Сперва соскользнула одна нога, а за ней и вторая. Стылый ужас стиснул внутренности, лишил способности рассуждать. Лишь мгновением позже я сообразил, что вишу на скобе, как на школьном турнике, а ноги скребут по бетону, пытаюсь нашарить утраченную опору. Наконец правая ступня поймала металлическую перекладину, встала, точно вдетая в стремя, следом нашарила прогнувшуюся скобу и левая нога. Память, ожив, зажужжала шестеренками, и я припомнил, что о чем-то подобном руферы друг дружку не раз предупреждали. Ну да – где-то ближе к середине одна или две перекладины отломались, и надо было смотреть в оба. Только как смотреть, когда такой туманище? Потому и старались подобные места чем-нибудь метить – краской, узелками, цветными лентами. Чтобы народ удваивал бдительность. Между прочим, кое-кто предполагал, что именно отсюда Саня Курбатов и сорвался, когда совершал очередное восхождение. Только сейчас уже было не проверить...

Дальше я лез более осторожно и через каждые двадцать – тридцать перекладин позволял себе передохнуть. Тем более что помнил: финальные сорок – пятьдесят метров самые опасные. Не оттого, что лесенка там пучилась горбом и выходила на отрицательные углы, а потому, что заканчивались защитные обручи. Эти последние метры пугали всех руферов без исключения. Легко одолевая две трети дистанции, они цепенели и шли в отказ на финальном отрезке. Многие (и не только девчонки), по рассказам очевидцев, закатывали настоящую истерику, малодушно пускаясь в обратный путь. Но меня сегодня поддерживала непогода, и я точно знал, что «обратки» не будет. Словно по гигантскому бобу этакой божьей коровкой я взбирался на небо, только вместо неба предлагалось облако, и такое же облако расстилалось внизу. Я не видел и не чувствовал высоты, и оттого душа не уходила в пятки, а ладони не покрывались жарким потом. Я даже стишки читать про себя начал, те самые, что нацарапала на бетоне рука одного из моих веселых предшественников: «Вознесся выше он – красава рукотворный – Александрийского столпа...» Или столба? То есть это раньше были столпы, сейчас – все больше столбы да бревна. Хотя куда там Александрийскому столпу до нашей Башни! Там я бы залез и не заметил, а здесь... Здесь это и впрямь можно было называть восхождением. Совсем как у реальных альпинистов.

Страхающие обручи закончились, и, сделав минутную паузу, я мысленно попросил Башню о «пропуске». Нет, не на небеса – всего лишь на Пятачок. Правая ладонь осторожно погладила Башню, и бетонное тело отозвалось отчетливой дрожью. Впрочем, возможно, это мне только показалось, а дрожал я сам.

* * *

Путешествие мое завершилось, и, выбравшись на верхнюю площадку, именуемую Пятачком, я поздравил себя с победой. Я снова был здесь – и я взобрался по наружной лестнице!

Выпирающий из башенной сердцевины трубчатый каркас казался фрагментом гигантской паутины, а вот дальний край платформы едва просматривался, теряясь в туманном мареве. И все же я был здесь не один. В медлительно перемешиваемой ватной каше я скорее угадал, чем увидел смутную человеческую фигуру. Мужчина сидел на самом краю Пятачка, спиной ко мне, свесив ноги вниз. Именно так мы любили сидеть в этом месте, вольной своей позой демонстрируя бесстрашие и независимость, покачивающими ступнями дразня простирающуюся внизу бездну.

– Триста сорок седьмая? – Голос мужчины прозвучал глухо, но смысл сказанного я понял.

– Кажется, где-то там... – Я смутился. – Только что едва не сорвался...

– Все верно: триста сорок седьмая перекладина, триста сорок седьмой подъем – так оно и бывает. – Человек по-прежнему не смотрел на меня, а приближаться к нему отчего-то не тянуло. – Магия цифр. Я в такое раньше не верил.

– А теперь? – невольно спросил я.

– Теперь уже поздно – верить или не верить. – Человек неопределенно повел плечами. –

Но надо эту перекладину укрепить, ты согласен?

– Конечно, надо, а как? Сварку туда не затащишь.

– Можно обойтись без сварки, просто сделать проволочную стяжку – пропустить через отверстия и укрепить. А чтобы лесенка не раскачивалась, костыль использовать. Он слева чуть выше торчит. Остался после альпинистов. Если взять хорошую проволоку – хотя бы «пятерочку», на ближайшее время хватит.

– А потом?

– Потом? Потом уже не понадобится... – Человек погладил бетонную площадку рукой. –

Обратил внимание, как она дрожит?

Мне стало не по себе. И дрожь! Прямо сейчас я стопами почувствовал тревожную вибрацию бетона!

– Дрожит, потому что чувствует...

– Чувствует? Что чувствует?

– А ты не догадываешься? Обычно такие вещи мы загодя ощущаем. Кто-то лучше, кто-то хуже... Так как, сделаешь?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что я не на шутку разволновался.

– Ну, я... попробую. Если проволоку достану.

– У ребят попроси. Кто-нибудь да поможет.

Я кивнул. И хотя человек на краю Пятачка по-прежнему не оборачивался, мой кивок он каким-то образом угадал.

– Вот и славно, Антон. Знал, что ты согласишься, потому и ждал тебя здесь. – Он ненадолго замолчал. – Понимаешь, сам хотел укрепить, да все тянул, откладывал. Вот и обманул себя самого.

– Обманул? То есть, выходит...

Мой собеседник наконец-то обернулся, но рассмотреть его лицо я все равно почему-то не мог. Мешал даже не туман, что-то другое... Какая-то непонятная резь в глазах. Бывает такое с оптикой: крутишь ее, крутишь – и никак не можешь добиться нужной фокусировки.

– Ты сделай это, пожалуйста, Антош. В самые ближайшие дни. Обещаешь?

– Конечно, сделаю.

Нет, я, наверное, мог отказаться. Во снах обещаний не дают. Да и при чем здесь я? Почему не Сержант, не Карась, не Жора бородатый? Они и старше, и опытнее... Но это был Пятачок, и мы сейчас оба стояли на нем. Точнее, я стоял, а он сидел. Нас было трое, понимаете? Я, мой собеседник и Башня. Она тоже нас СЛЫШАЛА! И не просто слышала, а вроде как являлась свидетелем всего происходящего.

Башня. Вежа. Каланча. Стрельница... Существо неживое, но явно одушевленное, женского рода. А может, и мужского, если использовать немецкое – *der Turm*. Но, скорее, все-таки женского – *la tour, la torre*... А женщинам – им всегда сложнее отказывать. И потому сказать «нет» я в ту минуту не сумел. Как не сумел когда-то сказать «нет» Алисе. Или хотя бы просто промолчать, когда она впервые попросилась наверх...

Глава первая Алиса

(За 165 дней до катастрофы...)

Я встретил ее в год Ежика – в конце апреля, когда парки и улицы окутались салатным дымком, когда тут и там пошло вспыхивать зеленоватое пламя молодой травы. Крохотными питьевыми фонтанчиками древесные листья пошли распускаться так быстро, что в близости летнего пожара сомневаться уже не приходилось.

Двое крепкогрудых ребят из враждующего с нами района загнали меня на территорию интерната для слабовидящих. Ребятки, понятно, рассчитывали на другое, но эти дворы я знал лучше, да и бегал неплохо – вот и сумел оторваться, а оторвавшись, проскользнуть в дыру в заборе, о которой они не догадывались.

Наш преподаватель по изо, премудрый Эсэм, учил нас работать кистью и языком. В том смысле, что красота и доброе слово, по его глубокому убеждению, ежедневно спасали и спасают наш встопорщенный мир. Наверняка доброе слово могло спасти и меня, но вот как-то не родилось оно, не прозвучало в нужный момент и в должной тональности. Вместо этого обоим преследователям я успел нанести небольшой телесный урон, так что поиски свои, можно не сомневаться, они с рвением продолжали. Но искали, скорее всего, в другом месте, а потому я тихо и мирно торчал на верхушке своего любимого клена и ностальгировал.

Налево от меня угадывалась пегая крыша школьного здания, направо, если привстать и вытянуть шею, можно было углядеть краешек моей родной пятиэтажки. Конечно, дерево не Башня, но и здесь я чувствовал себя вполне комфортно. Тем более что забраться сюда было делом трех секунд, да и дерево выбрал не случайное: оно даже имя собственное имело – Костыль. Возможно, не самое симпатичное, зато точное. Был этот клен очаровательно кривым

и прямо-таки созданным для того, чтобы давать приют многочисленным древолазам. Располагался он на краю стадиона, принадлежавшего интернатовской ребятне. То есть раньше-то здесь все было общим – и двор, и беговая дорожка, и турники с окружающими деревьями: заходи, кувыркайся, в песочнице калачи выпекай. Мы и заходили: в ляпы поиграть, на великах погонять, мяч попинать с интернатовцами. Они хоть и прозывались слабовидящими, а игроками были отменными и по мячу попадали вполне точно. При этом никто никому не мешал, нормально дружили, буднично дрались – все как положено.

Но потом началась эра заборов – и пошло-поехало! Прямо как вирусное заболевание по городу прокатилось. Сначала в соседнем дворе огородили стоянку для автомашин, потом наша школа окольцевала себя изгородью, а после очередь дошла и до интерната. Люди словно с цепи сорвались – огораживали себя чем только можно. Конечно, до поры до времени спасали появляющиеся тут и там лазы, но и заборы, надо признать, год от года росли и крепчали.

Славка, мой первый друг, считал, что виноваты во всем машины. Гаражей-то нехватка – вот и затеяли строить кругом парковки. Улицы – для машин, дворы – для машин, и вся наша жизнь – опять же для них! Вот и нагородили стен да заборов. Сам я, правда, полагал, что главные заборы проросли в наших головах. Детские сады, палисадники – ладно, но ведь громоздили-то эту чепуховину повсюду! Уже и перемещаться по городу стало невозможно. Чего ради паркур-то зародился? От фильмов французских? Ага, как же! Просто достали все эти бесчисленные ограждения, частоколы да стены. Оттого и уличных трейсеров тот же Славка справедливо именовал «борцами за городской безвиз». Красиво, да? Он и сочинение как-то накатал: «Город – как безвизовое пространство!» Лера Константиновна, наша русичка, обалдела. Сначала двояк ему вкатила, потом перечеркнула – поставила пятерку. Но то ли засомневалась, то ли испугалась собственной отваги – вывела в итоге четверку с нелепым таким минусом.

Ну а пример «вездесущих заборов» я наблюдал и в метро, и в школе, где на лавочках и у стенок люди стыли изваяниями, уткнувшись в смартфоны, по уши увязнув в виртуальных болотах, прячась от мира за цветными экранами и вакуумными наушничками. Я и во сне как-то увидел странную такую картину: мраморная фигура с телефоном в руках – за могильной оградкой. Что-то вроде памятника! Про сон этот я рассказал Славке, и он тут же выдал экспромт:

Пока я ем, я глух и нем,
А с телефоном – нет меня!
Живу я, спросите, зачем?
Но бобик сдох! И жизнь – фигня!

Славка вообще был мастером поприкалываться да поупражняться в красноречии. Уж он-то в отличие от меня нужное слово для сегодняшних моих недругов наверняка бы нашел...

В общем, сидел я на любимом своем клене и вспоминал прежние беззаборные времена. Беззаботно-беззаборные, я бы сказал. Сидеть было удобно: верхушку-то клена когда-то спилили, вот дерево и обмануло судьбу – стало разом расти вправо и влево, образовав роскошную развилку. За что и получило прозвище Костыль. Кто сюда только не взбирался: и мелкота, и старшаки из выпускных классов, и даже некоторые продвинутые взрослые. Боками да спинами ребятня отшлифовала древесный ствол до блеска. Да и дерево – словно специально для нас – пластилиново приминалось и изгибалось, становясь еще более широким и удобным. Хочешь – сиди, а хочешь – лежи. Красотища! При этом весь интернатовский дворик просматривался с этой позиции превосходно, и, позевывая, я наблюдал, как из подкатившего к крыльцу автобуса выбирается очередная порция гостей. Может, мероприятие у них какое затевалось, а может, просто подвозили деток, что жили вне учебного корпуса. Детей я немного жалел, но так отстраненно, почти по-философски. Я-то на сегодня уже отучился, заслужил право

на отдых, – этим же, привезенным, судя по всему, еще предстояло изнемогать от учительских голосов и духоты школьных классов...

Девчонка, что не пошла к учебному корпусу, а спряталась за автобус, сразу привлекла мое внимание. Удрала – и пусть, мое-то какое дело. Но что-то мне показалось странным уже тогда. Очень уж медленно она перемещалась – мелконькими такими шажочками. А добравшись до края беговой дорожки, и вовсе споткнулась о бетонный бордюр, едва не упала. Мне стало любопытно, и я даже немного переместился на дереве, чтобы ветки с распускающейся листвой не загораживали занятной картины.

Между тем девчонка продолжала свое странное движение. Шагая по земле, несколько раз опускалась на корточки, шарила по траве ладонями, точно что-то искала. Я так и решил про себя: потеряла какие-нибудь очочки или брелок – вот и пытается найти. Лица на таком расстоянии я рассмотреть не мог, но фигурка у нее выглядела вполне спортивной, что не очень-то вязалось с ее лунной походкой. А в общем – ничего выдающегося: каштановые, коротко стриженные волосы, темные джинсы, белые кеды. Разве что курточка забавная – ослепительно желтая, точно слепленная из цыплячьего пуха. Мои одноклассники такое уже не носили. Впрочем, девчонки – в любом возрасте девчонки и каких только хитонов-халатов на себя не цепляют. Вот и эта беглянка цыплячьего наряда, похоже, ничуть не стеснялась.

Очень скоро созерцать эту потеряшку мне наскучило, и я перевернулся на спину. Как я уже говорил, верхушка у клена отсутствовала, и, следовательно, никаких веток надо мной не было. Я мог беспрепятственно щурить глаза и следить за проплывающими надо мной облаками. Большая часть их лепилась в каких-то чудовищ, и монстры эти без устали наплывали друг на друга, беззвучно рвали когтями и клыками, пожирали широко распахнутыми ртами, давили тушами. Подобием всадников из них прорастали неведомые твари – с черепами вместо голов, с рогами и безобразными конечностями. Давая шенкелей своим жутковатым скакунам, они вновь устремлялись в небесное сражение.

Возможно, нормальный человек на моем месте видел бы какие-нибудь цветы, улыбающиеся физиономии и прочий счастливый бред, но я на свой счет не обольщался. Зайчишками-попрыгайчиками и прочими пушистыми чебурашками я переболел еще в детском саду. И к фильмам, и к играм сразу перешел вполне серьезным, если не сказать – суровым. Отчего так вышло, понять было сложно. Вроде и не очень кусала меня жизнь, но вот как-то не получалось улыбаться на каждом шагу. Неудивительно, что едва появившийся в нашем классе Славка Ивашев с ходу выдал мне кличку Угрюмый. Он вообще, как выяснилось, наделен был даром давать меткие прозвища. Вот и меня заклеимил. Какое-то время я не обращал на это внимания, но Славка – он ведь тот еще перец – умел все красиво подать, так что липучие его словечки спустя короткое время подхватывал весь класс, а позднее и вся школа. «Шикардос», «хэйтяра», «клещеногий», «альбатряс» и «челоцефал» – весь этот словесный изюм сыпался из него, точно из рога изобилия. Лера Константиновна, наша русичка, как-то пыталась ему выговорить за искажение родного языка, так он ей целую речь задвинул – про сильные и слабые стороны всемирной лексики, про уместность ее обновления, про способность языков к самоочищению и прочие дела. Короче, пришлось нашей Лере Константиновне смириться, а вот я со своей кличкой мириться не собирался. Со Славкой мы тогда жутко подрались, а после помирились и поняли, что прямо-таки созданы для того, чтобы дружить вечно...

– Эй!.. Тут кто-нибудь есть?

Голос был девчоночий, и, отвлекшись от завораживающей облачной кутерьмы, я скорее всего перевернулся на живот. У дерева стояла девчонка – та самая, что слиняла из автобуса.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но поперхнулся. Потому что обалдел от ее глаз. Точнее – от ее взгляда. Она смотрела вверх – вроде бы на меня, но отчего-то я сразу понял, что меня она НЕ ВИДИТ. И облаков не видит, и забора, и кленового дерева, которого касалась

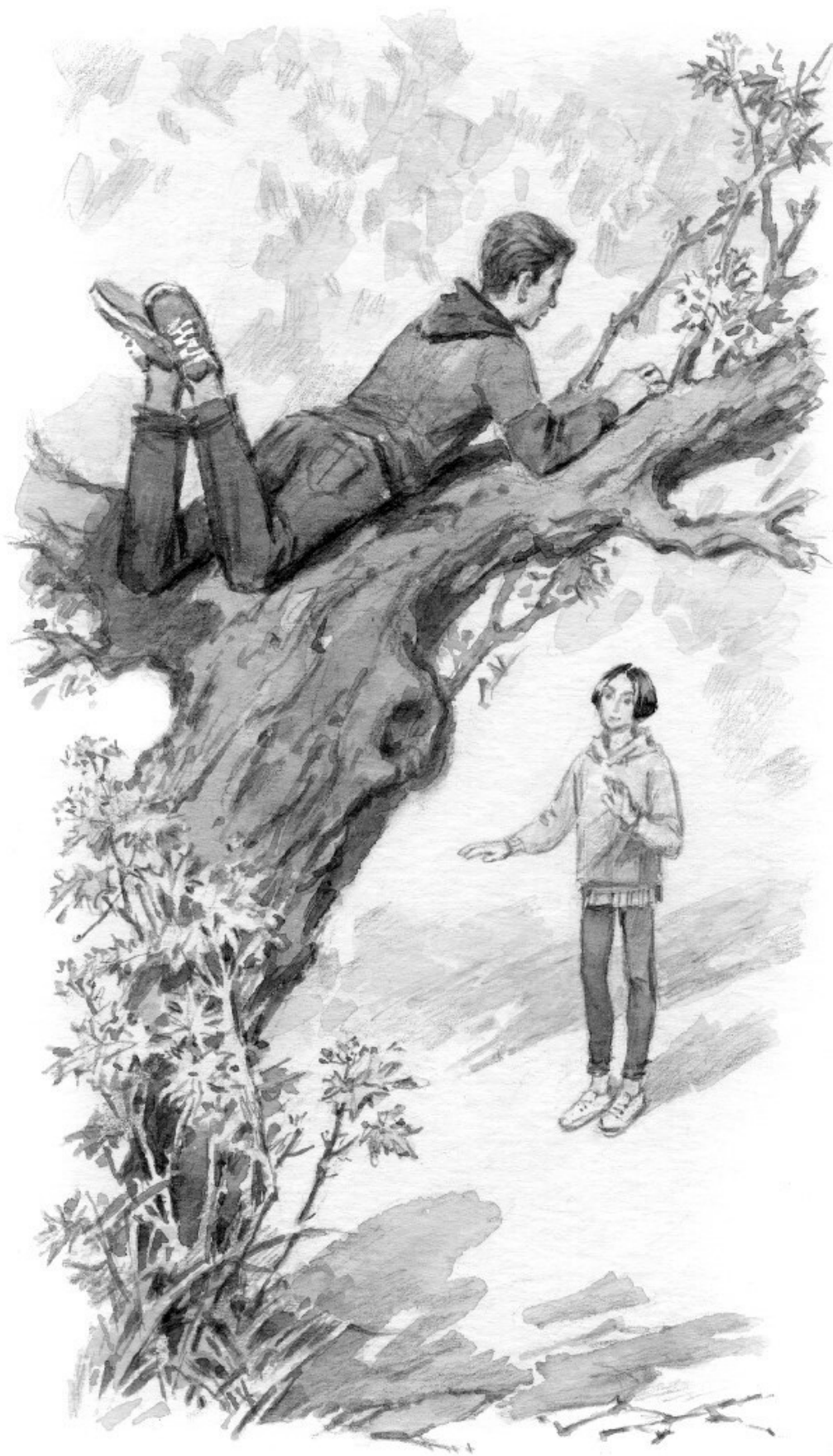
сейчас руками, – вообще ничего не видит! Озарение оказалось настолько неожиданным, что я чуть было не задохнулся.

– Ты там прячешься? От кого?

Она не видела меня, но слышала. Или чувствовала! Я сипло раскашлялся. Связки отказывались выполнять свои прямые обязанности. Горло вытолкнуло какой-то хриплый звук, и лицо девочки тут же страдальчески напряглось.

– Ты... Ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

Я даже не сумел разозлиться на нее. Потому что... Ну, не знаю... Что-то стряслось со мной. Что-то жуткое и необычное. И та фантастическая глупость, которую она сейчас изрекла – про «плачешь» и «обидел», даже не показалась мне глупостью. Конечно, никто меня не обижал, и плакать я не собирался, но точно кто сдавил мои глазные яблоки и крепкой пятерней ухватил за кадык. С оторопью и ужасом я почувствовал на своих глазах постыдную мокроту! А потом вдруг осознал, что девчонка под деревом, это чудо в перьях, не способное различить сидящего меж веток пацана, в один миг стала для меня дорогим и близким существом. Я не мог этого связно объяснить, но если бы она сказала «прыгай», я, не задумываясь, сиганул бы вниз. Рыбкой, не группируясь, прямо головой в землю. Но вместо этого она произнесла совсем другое:

– Можно я к тебе залезу?

– Хмм... – Я все-таки справился со своим голосом и судорожно задышал, приводя психику в норму. – Конечно. Только ты это... Осторожнее.

Она глядящим движением провела ладонью по древесной коре. Я понял, что она ищет опору.

– Меня зовут Алиса. – Она беззащитно улыбнулась. – Ты сможешь мне?

– Конечно. – Я потрясенно кивнул. Ну как я мог ей отказать?

Глава вторая

Год Ежика

– Ты знаешь, что мы живем в год Ежика?

– Ежика? – Я озадаченно нахмурился. – Разве у нас сейчас не год Собаки?

– Год Собаки – это по китайскому гороскопу.

Алиса на секунду задержалась, точно собиралась оглядеться, но даже не оглянувшись – снова повела меня дальше. Или это я ее вел? Не знаю, что тут больше соответствовало истине, но мы шли с ней под ручку – прямо сладкая парочка! Ни с Улькой, ни с Лариской я так не ходил, а тут все получилось само собой. Алиса ищущим движением нашла мое плечо, а потом легко и просто взяла под руку. Смешно бы я выглядел, если бы стал отбрыкиваться!

– Гороскопов – их много, – продолжала она свою лекцию. – Японский, зороастрийский, кельтский. А еще есть гороскоп древних майя, есть гороскоп друидов.

– Ничего себе! А российского ничего нет?

– Есть, конечно. Старославянский гороскоп, а точнее – годослов. Кстати, очень похож на зороастрийский, хотя количество знаков в них разное. У японского – двенадцать, у старославянского – шестнадцать, а у зороастрийского – целых тридцать два.

– Чем же они похожи?

– Да вот – животными и похожи. Например, по старославянскому сейчас тоже год Ежика, но Ежика Свернувшегося.

– Почему свернувшегося?

– Такой уж у нас славный календарь. В нем звери не просто называются, а еще и характеристики свои имеют. Например, год Жемчужной Щуки – правда, здорово? Или год Крадущегося Лиса, Шипящего Ужа, Огненной Векши.

– Векша – это, кажется, белка?

– Правильно! А еще есть Прядущий Мизгирь.

– Вот Мизгиря не знаю, – признался я. – Хотя, если прядет... Паук, что ли?

– Умница! – похвалила Алиса.

И я ощутил, что краснею.

Вообще, это был странный разговор: малознакомая девчонка несла всякий вздор, а я слушал и млеял, развесив уши. Вот бы на уроках так получалось! Но там я, как ни пыжился, в основном спал или занимался чем-то посторонним. А вот Алису я слушал. Прямо с каким-то щенячьим восторгом. И не мог понять, в чем тут дело, – то ли в ее голосе, легко перескакивающим от ликующих нот к бархатистому полупшепоту, то ли в глазах, в которые я боялся заглядывать, но к которым вновь и вновь возвращался, точно к загадочному магниту...

– В нашем годослове все звери симпатичные, – продолжала образовывать меня Алиса. – Златорогий Тур, Притаившийся Лют – это волк по-нашему, Жалящий Шершень. Даже Жаба у нас и та не простая, а Бородатая.

– Бородатая? – Я хохотнул. – А что, мне нравится! Жаль, дракона нет, тоже серьезный зверь.

– Серьезный?

– Ну да, если верить сказкам, сколько богатырей с этими рептилиями махалось. Вот всех и извели – даже места в годослове не осталось!

Я пнул банку, лежавшую у Алисы на пути. Угодил точно в калитку – прямо как в футбольные ворота. Жаль, Алиса не могла оценить. Зато оценил пузатый дядечка, как раз выходящий через калитку. Покачивая головой, он что-то собрался мне сказать, но, рассмотрев мою спутницу, деликатно промолчал.

– Слушай, а я кто – по этому самому календарю?

– Древнеславянскому?

– Ага.

– Ну, если ты родился в две тысячи третьем, могу тебя поздравить.

– С чем? С Жуком Рогатым или Кошкой Облезлой?

– Да нет же, ты, Антош, у нас – Парящий Орел!

– Ого! – Я и впрямь удивился. – Ничего! Нормальный такой знак.

– Правильнее говорить – тотем. Мне он тоже нравится. Мы ведь с тобой одноклассники. А орел не терпит диктата – живет по своим особым законам. А еще это высота, мудрость и зоркий глаз...

Она замолчала, и я тоже ощутил неловкость. Сложно тут было что-то комментировать.

Мы неспешно двигались по улице. Алису я держал под руку, и белой своей тросточкой она не пользовалась – повесила на локоток, словно и забыла. А ведь мы специально возвращались к автобусу за этой самой тростью. Точнее – не мы, а я. Алиса-то светиться лишний раз не рискнула – знала, что ее тут же «арестуют» и препроводят в интернат. Там у них конференция какая-то проходила – по защите животных, шестая или седьмая по счету. Вот Алиса и решилась на побег – устала сидеть да говорить одно и то же. Видимо, и трость ей иногда хотелось нарочно где-нибудь оставить – пусть недолго, но побродить в «свободном полете». И, кстати, удавалось ей это неплохо: шагала она совсем не так, как в парке, – вполне уверенно, лишь временами притормаживая перед бордюрами и на перекрестках. Похоже, все эти препятствия прочно сидели у нее в памяти, все равно как в GPS-навигаторе. И в помощи моей, как я убедился, она совсем не нуждается. По крайней мере, в этих кварталах Алиса ориентировалась довольно хорошо.

– Чего же мы отказались от своего гороскопа? – попытался я отвлечь ее от невеселых мыслей. – Жили бы себе и дальше под славянскими тотемами.

– Мы много от чего отказались, – тихо сказала Алиса. – С этими календарями вообще сплошная путаница. Когда-то наш славянский календарь начинался с двадцатого марта – дня весеннего равноденствия, но царь Иван Третий взял и перенес начало нового года на первое сентября.

– А что, вполне логично. Школа, начало учебного года.

– Это мы сегодня привязываем все к учебе, а тогда логичнее было начинать год с дня весеннего равноденствия: просыпалась природа, становилось тепло, люди начинали пахать, сеять.

– Но мы-то сейчас Новый год и вовсе тридцать первого декабря празднуем.

– Правильно, это уже Петр Первый распорядился – разом поменял и дату, и летоисчисление.

– А смысл?

Алиса пожала плечами.

– С царским указом не поспоришь. Зато теперь у нас целая куча гороскопов – какой хочешь, тот и выбирай.

– И чего нам ждать от года Ежика?

Она чуть улыбнулась. Как мне показалось – не очень весело.

– Символ Ежика – это иголки, так что зверек может и уколоть, и поранить. Именно в этот год произошла Чернобыльская авария, а потом затонул теплоход «Адмирал Нахимов». А еще раньше на Маршалловых островах взорвали водородную бомбу – самую мощную по тем временам. Эти красивейшие места до сих пор непригодны для жизни.

Я нахмурился. Куда-то не туда сворачивал наш разговор – в какие-то и впрямь колючие темы.

– Слушай, хотел спросить... – Я лихорадочно подбирал нужные слова. – Ну, вот ты сейчас идешь и даже не спотыкаешься. Наверное, это трудно? Долго тренироваться нужно?

– Хочешь попробовать?

– Как это?

– Да очень просто. У меня и повязка с собой есть. Наденешь себе на глаза, возьмешь меня за плечо – и пойдем, как кот Базилио с лисой Алисой.

Я посмотрел ей в лицо. Она ничуть не шутила.

– Да ты не бойся, я отлично тебя доведу.

– А что прохожие подумают?

– Неужели тебя, Парящего Орла, это всерьез беспокоит?

Я даже головой крутанул. Как она уела-то меня! Будто и впрямь таких, как я, должно волновать мнение окружающих. Тем более сама-то она каждый день так бродит! И ничего, похоже, не боится...

Уже через минуту мы шагали по черной беспросветной улице. Правая моя рука лежала на плече Алисы, и плечо это было обнадеживающе горячим. Гудели машины, звучали чужие голоса – все это сбивало с толку. Ноги отказывались шагать, и если бы не советы Алисы, не ее плечо, я бы с места не сдвинулся. Сначала мы едва передвигались, потом дело пошло чуть быстрее: я стал наконец-то различать свои шаги и шаги Алисы. Ну и первое одеревенение потихоньку спало.

– А с интернатом для слабовидящих мы давно дружим, – рассказывала моя спутница. – Обмениваемся дисками, самодельными стенгазетами, форумы с конференциями проводим. Иногда прямо у них на стадионе затеваем уроки «Белой трости». Все равно как сейчас с тобой.

– А кто участвует?

– Да все, кто пожелает! Одного круга обычно бывает достаточно, чтобы человек что-то стал понимать.

– Сравнила! По улицам-то куда сложнее.

– Это правда, сложнее. Но и мы ведь с тобой не ежики какие. Парим высоко, не падаем.

– Да уж – не падаем... – Я тут же споткнулся, едва не загремев на тротуар. Одну ногу поднял слишком высоко, зато второй тут же зацепился за какую-то каменюгу.

– Это брусчатка пошла, – осторожнее! И трость старайся слушать, она все подскажет.

– Кому-то подскажет, а кого-то накажет, – неловко пошутил я.

И Алиса немедленно меня похвалила:

– Ты молодец! Стихи я тоже люблю.

Стихи я никогда особенно не любил, но возражать не стал. Вместо этого постарался удвоить внимание. Теперь и мне удавалось различать на фоне наших шагов и гула моторов звонкое перестукивание ее трости. Кажется, это и было самым главным – чем-то вроде компаса и путеводной звезды. Легкое шуршание палочки по камням – слева направо и обратно. Совсем как у автомобильных дворников. Пара маятниковых движений – и начинаешь видеть дорогу. Ну а тут дорогу начинаешь слышать в буквальном смысле слова. Камешек, скомканный целлофан, поребрик – главное, слушать и не отвлекаться. А не услышал – твои проблемы. Кувырок через голову и сальто-мортале на потеху публике...

Я сухо слотнул, заставив себя переставлять ноги более ровно. И все равно казалось, что взбираюсь по крутой лестнице, колени непроизвольно подрагивали – со стороны я наверняка напоминал неумелого клоуна.

– Слушай, а почему так называют – «Дни белой трости»?

– Потому что белая трость – это символ незрячего человека, – объяснила Алиса. – У нас даже есть свой день – пятнадцатое октября. Он так и зовется – Международный день белой трости.

– Прямо как Восьмое марта.

– Ага, только про наш день мало кто знает, – отозвалась Алиса. – Хотя и появился он почти сто лет назад.

– Ого!

– Ну да, в начале прошлого века в британском городе Бристоле жил фотограф по имени Джеймс Биггс, который после несчастного случая в 1921 году потерял зрение. Только сидеть дома он не хотел и начал учиться ходить по городу с тростью. А однажды понял, что на черную трость никто не реагирует – ни прохожие, ни водители. Тогда он и выкрасил ее в белый цвет – нарочно, чтобы все видели и обращали внимание.

– И получилось?

– А как ты думаешь? Теперь это удостоверение слепцов всего мира.

– По-моему, у нас про это ничего не знают.

– Пока да, но со временем все наладится. Да и нас постепенно вооружают – вместо тросточек снабжают ультразвуковыми датчиками. В самом деле, уже есть такие – либо на руках, либо в ботинках.

Я вновь споткнулся и едва сдержался, чтобы не выругаться.

– Да-а, мне такой датчик точно не помешал бы.

– Между прочим, у китайцев тоже есть интересная традиция. Правда, связанная не со зрением, а с другими вещами. Они ходят по улицам задом наперед и при этом беспрестанно хлопают в ладоши.

– Это еще зачем?

– Они считают, что таким образом отпугивают смерть и отматывают время назад.

– Ничего себе!..

Капля пота зависла у меня под носом. Не удержавшись, я смахнул ее ладонью и на миг выпустил плечо Алисы.

Хоп! Рука потянулась вперед, но плеча не нашла. Да и тросточка больше не стучала по асфальту. Я не слышал ни ее шагов, ни костяного шороха палочки о дорожное покрытие. Жаркая волна омыла лицо, я растерялся. А секундой позже на смену растерянности пришло веселье. Вот же хитрованка! Наверняка решила меня проверить!

Проще простого было скинуть повязку, но это означало бы верное поражение. Шагнув вперед, я поднял обе руки, пошарил в воздухе. Никого и ничего. Значит, Алиса не просто переместилась, а постаралась сделать это максимально бесшумно. Медленно, словно вращая неповоротливый локатор, я повел головой. Елки зеленые, шумело и справа и слева, вычленив что-либо из этого звукового салата было адски сложно... Кто-то вздохнул за моей спиной, и я тоже вздохнул – наконец-то! С внутренним ликованием развернулся и ухватил чьи-то плечи.

– Молодой человек! Вы с ума сошли!

Повязку все-таки пришлось сорвать. А после и отдернуть руку от перепуганной женщины. Мы стояли практически на перекрестке, и, кажется, она собиралась переходить улицу.

– Простите! – Я шурился от яркого света и рукавом утирал взмокшее лицо.

– Антон, я здесь!

Ну конечно, она никуда не сбежала – отошла себе на пару шажочков и затаилась у стены здания. Прямо ниндзя! И разумеется, сияла довольной улыбкой, как и должна была улыбаться лиса Алиса. Я фыркнул.

– Один – ноль в твою пользу.

– И вовсе нет. Ты отлично справился.

– Тогда один – один!

– Договорились.

* * *

Как выяснилось, она жила рядом с цирком, что было не так уж далеко от меня. А если считать от Башни, дистанция выходила вовсе смешной. Во всяком случае – для людей зрячих.

Она же была незрячей и, как поведала мне, начала слепнуть в возрасте четырех лет. Мир не перегорел для нее электрической лампочкой, он угасал постепенно. Последние месяцы Алиса жила в постоянных сумерках, а после пропали и они. Или, может, не пропали, а растворились, как те звезды, которые она наблюдала в младенчестве из коляски. Чудно, но эти самы звезды она помнила до сих пор. По вечерам – еще совсем маленькую – ее возили на прогулки, и она подолгу не засыпала, всматриваясь в смугляющее небо, в облака, в шевелящиеся ветви деревьев. Потом крохотными свечечками зажигались звезды, и небо раскачивалось перед глазами, тихо и размеренно усыпляя. Много позже родители подарили ей звездный атлас, изготовленный по технологии Брайля. Так что я сразу понял: все главные созвездия она знает куда лучше меня.

Самое поразительное, что обо всем этом Алиса поведала мне сама – без слёз, без истерик и даже, как мне показалось, без особой грусти. Потому что давно привыкла – и не просто привыкла, а сумела найти массу интереснейших занятий, став, по ее словам, по-настоящему счастливой. По крайней мере, именно так она мне и заявила. Потому что, сохраняя в памяти мир цвета, открыла для себя еще и мир сумерек. Ну а два мира для одного человека – это очень даже немало. В отличие от многих своих незрячих друзей она помнила своих родителей – родителей, которым суждено было вечно оставаться в ее памяти молодыми и красивыми. Помнила удивительно высокую траву с жуками-пожарниками, с божьими коровками и восхитительными бабочками, помнила свою комнату, законный пейзаж и пару высоченных строительных кранов. Сочетать в себе два мира – это и значило для нее счастье. Наверное, я мог бы с ней поспорить, но я даже не пытался этого делать.

Как бы то ни было, но мы добрались до ее дома. Там-то я и разглядел недавних своих преследователей – уже не двоих, а четверых. Вот такая дурная прогрессия. А чего еще ждать в разрушительный год Ежика? Взял и выпустил иголки-колючки. Ну а ребятки, скорее всего, углядели нас уже давно. Может, даже шагали следом и от души веселились над моими потугами в роли слепого. Между прочим, могли запросто и воспользоваться ситуацией. Однако проявили великодушие. Или умудренно решили проследить до конечного адреса.

По уму следовало поскорее распрощаться с Алисой, но именно сейчас мне этого отчаянно не хотелось. Алиса, конечно, их не видела, но они-то теперь знали о ней всё! И адрес ее, и непростую ситуацию... Я точно ключик им выложил – из сказки про Буратино. Вот вам и орел парящий! Углядеть врага углядел, а дальше повел себя, точно ворона пугливая...

– Ты постой тут минутку, я отойду на пару слов.

Пару слов или пару зуботычин...

Я степенным шагом приблизился к ватаге. Ну да, все на месте – и тот в полосатой фуфайке, которому я по шее приложил, и самый здоровый – с распухшей губой. Этому «лосю» я с перепугу как раз и заехал первому. Надеялся, что упадет, а он не упал – и теперь, конечно, уверен, что в скором времени упаду я.

– Привет, глазастые! – Это у меня вырвалось нечаянно. Мог бы и по-другому поздороваться, но, видимо, сказалось общение с Алисой.

Вперед тут же сунулся паренек в цветастой фуфайке.

– Ну ты, борзота! Еще не всосал, куда вляпался?..

– Не здесь и не сейчас, – веско оборвал я его.

И шустрый переговорщик заткнулся.

– Чего так? – ехидно прищурился главный «лось» этой команды.

– Я не один, – вежливо пояснил я.

– И чего? Кого это гложет? – вновь встрепенулся хозяин фуфайки.

– погоди! – остановил приятеля «лось». Шагнув ко мне, кивнул в сторону далекой фигурки у подъезда. – Она что, реально слепая или прикидывается?

– Реально.

– А чего тогда мутишь с ней?

Я неопределенно качнул головой. Не шли из меня мудрые слова, хоть тресни. Не был я ни Эсэмом, ни Славкой.

– Ладно. – Здоровяк ухмыльнулся. – Отвечать по-любому придется.

– Назначай время, какие проблемы.

– Ишь ты! – Мой враг продолжал веселиться. – Тогда завтра вечером – часиков в шесть, идет? Подгребай на дальний пустырь. У магазина «Семёрка», знаешь?

– Приду. – Я покосился на его губу. – Ты перекисью прижги, быстрее заживет.

Он перестал ухмыляться.

– Себе перекисьхвати, ага? Литра два или три.

– Да ему не понадобится! – гаркнул паренек в фуфайке. – В гипс закатаем!

– До скорого! – Стараясь не обращать внимания на горланящего паренька, я кивнул обладателю распухшей губы и неспешно развернулся. Как в плохих фильмах – спиной к врагам.

Но это была реальная жизнь, и на меня никто не набросился.

Глава третья Мастера кулинарии

Конечно, она что-то почувствовала. Может, даже услышала – не так уж далеко мы стояли. Потому и потянула меня к себе. Узнала, что я голодный, и тут же объявила себя знатной кухаркой. Настроение уличные варяги мне подпортили, но Алиса умела убеждать. Собственно, она и не убеждала – ухватив за руку, решительно повела к подъезду.

– Пошли! Мама говорит, я прирожденная повариха. Угощу тебя чем-нибудь вкусненьким...

Вкусненькое нам пришлось готовить самостоятельно. Сначала Алиса заставила меня вымыть руки, потом попыталась усадить в центр кухни на табурет, накрытый затейливым ковриком. Рисунок был простенький, но мне неожиданно понравился. Лодочка посреди золотистого моря, а в ней два человечка. Солнце – нежно-зеленое, а дельфинчики, что выглядывали из воды, – розовые, в симпатичных очочках.

– Забавный коврик!

– Это я сама связала.

– Ты? – удивился я. – Но как?.. Тут же надо это – руками да спицами...

– Есть много методик, да и мама помогала, подсказывала. Тебе правда нравится?

– Еще бы!

– Значит, и тебе что-нибудь свяжу. А цвета я специально такие выбрала. Хотелось утереть нос родителям. Носки-то вязать куда проще, а тут пришлось немного помучиться...

Да уж, немного... Полюбовавшись на дельфинчиков, я придвинул к себе другой табурет. Садиться на лодочку с золотистым морем решительно не хотелось. Алиса тем временем продолжала порхать по кухоньке, делая разом несколько дел. Включив микроволновку, подогрела для нас какие-то диковинные бутерброды. Пока они грелись, из крупных апельсинов выжала два бокала сока. Я смотрел на нее во все глаза и ничего не понимал. То есть понимал, что вот передо мной девчонка, которая ни фигашеньки не видит и которая движется вдвое быстрее меня. Ну никак она не походила на слепую! А уж когда Алиса оборачивалась ко мне и глаза ее слегка щурились, я мог бы поклясться, что она меня видит! Не мог же я быть для нее одним только голо сом!

Я и не заметил, как истекли положенные минуты и Алиса достала из духовки благоухающую шарлотку.

– Ого! Как ты быстро!

– Антош, это же простейший рецепт: режешь мелко яблоки, сыплешь на сковородку, туда же стакан муки, стакан сахара и три яйца. Потом в печку – и до победного.

– А как ты определяешь нужное время? По таймеру?

Алиса с улыбкой ткнула себя пальцем в нос.

– Можно по таймеру, но носом надежнее. Я же постоянно нюхаю.

– Как собака?

– Наверное, даже как олень. У них, говорят, обоняние лучше, чем у волков.

– Тогда я это... Тоже что-нибудь приготовлю. Это, правда, вредно, но вкусно.

– Если вкусно, значит, уже не вредно! – убежденно возразила Алиса. – Психосоматика – такая штука, рулит и настроением, и здоровьем. Если жизнь озарена настоящим светом, никакая гадость ее не омрачит.

Светом... Да еще настоящим? На такие эпитеты я даже не знал, как реагировать. Странная все-таки была эта Алиска, но мне ее странности нравились.

– А как называется твое блюдо?

– Мое блюдо называется просто, – хмыкнул я. – Ле-ден-цы.

В следующие четверть часа я тоже как мог демонстрировал свои кулинарные способности. Для начала в эмалированной кастрюльке растопил сахарный сироп, но пока искал с Алисой подходящие специи, часть кастрюльки успела необратимо потемнеть. Пришлось спешить, и за неимением свободных сковородок я скоренько разложил на кромке плиты кусочки яблок, хлеба и резаных апельсиновых корок, после чего, обмотав кастрюльку полотенцем, принялся разливать тут и там желтеющий сироп. Обжегшись, капнул пару раз мимо – на пол и табурет.

– Я тут это... Напачкал у тебя немного.

– Нестрашно, – ободрила меня Алиса. – Пахнет очень аппетитно.

– Обычно это все заливается в формочки – петушки там разные, зайчики, – пояснил я. –

Но у нас будут просто монетки и лепешки.

– Я люблю, когда все просто.

– Ну, так-то оно действительно просто... Но иногда случаются, понимаешь, спотыки с оврагами.

– Что-что?

– Форс-мажоры, значит...

Я ножом попытался подцепить одну из монеток, но она почему-то не поддавалась.

– А сейчас у нас что? Спотыки или овраги? – Алиса забавно склонила голову набок. Лицо ее приняло плутоватое выражение – совсем как в ту минуту, когда на улице она решила от меня затаиться.

– Ну... – промямлил я. – Сейчас у нас фигня, похоже, получается. То самое, что никак не предвидишь...

Я тут же мысленно себя обругал. Старался же не поминать подобные вещи! «Смотреть», «видеть», «глядеть» – будто других глаголов нет...

– Слушай, Антош, давай без этих твоих шпионских реверансов. Ты ведь мой друг? Вот и нечего стесняться.

Если Алиса полагала, что я справлюсь со своим смущением и тут же начну щебетать соловушкой, она крепко ошибалась. Скоротечно записав в друзья, она лишь ввергла меня в окончательное смятение.

– Антош! – Алиса немедленно встревожилась. – Ты что, обиделся? Я что-то не так сказала?

Шагнув ближе, она наугад потянулась и ухватила меня за руку. Для нее-то это было естественным движением, а вот для меня нет. Ощущая жар ее ладони, слыша, как галопом мчится мое собственное сердце, я совершенно сбился с мысли.

– Да нет, только...

– Ой! Кажется, что-то горит?!

– Блин!..

Мы одновременно бросились к плите. Кастрюльку с остатками сиропа я, оказывается, вновь водрузил на огонь. А за разговорами напрочь о ней забыл.

– Ай! – вскрикнула Алиса. – На полу что-то горячее...

Я опять чертыхнулся.

– Я тут капнул маленько... Погоди, сейчас приберу.

Вооружившись ножом и ложкой покрепче, я суматошно взялся за дело. Уж не знаю, в чем тут крылась загвоздка, но дома у нас леденцы отрывались обычно легко. Здесь же они прилипли намертво. Часть из сахарных лепешек я кое-как отодрал, но оставшиеся монетки никак не желали отрываться. Скажем, с табурета золотистый медальон я снял без труда – прямо вместе с краской, а вот на полу сахарная блямба приросла прочнейшим образом.

– У вас тут чересчур чисто, – хмуро пробурчал я. – Маслицем надо было все смазать. Или мукой посыпать.

– Зато появился опыт! – утешила меня Алиса.

Судя по ее внешнему виду, она особенно не огорчилась. Похоже, ее даже веселила вся эта кулинарная неразбериха.

– Фиг его знает, чего они так крепко держатся. – Я продолжал колупать ложкой очередную золотистую кляксу. – Может, сахар у вас другой? Или эмаль на плитке с более мелким пикселем...

Алиса начала смеяться. Сначала тихо, потом громче и громче. Я насупился. Мне-то было определено не до смеха. Представилось, что вечером придут ее родители, разглядят все эти лепехи, и начнется допрос с пристрастием. Что за повар-кулинар приходил, откуда? И если напакостил, почему, гад такой, не прибрал?

– Антон, да брось ты их! – воскликнула наконец Алиса. – Половину сковырнул – и славно. Я, кстати, сгрызла уже парочку – ужасно вкусно.

– Ужасно?

– В смысле – очень и очень.

Я выпрямился, положил на край плиты ложку с ножом. Нож, конечно, тут же кувыркнулся на пол. Я потянулся за ним, лбом хлопбыстнулся о чертову плиту. Аж загудело что-то. Не то плита, не то мой черепок.

– Да блин! Что за чертовщина-то!

На Алису вновь напала смешливая икота. Мне и самому стало смешно. Потирая лоб, я уселся на табурет.

– В общем, сама ты этого лучше не готовь. Тут, понимаешь, технология хитрая – не совсем отработанная. В особенности для вашей кухни...

Алиса хохотала уже во весь голос.

– Короче, не рискуй – обжечься можно... Да хорош заливаться-то!

– Все, Антош, прости! – Алиса даже руки к груди прижала, но все равно прыснула еще пару раз.

– Как ты тут управляешься, не пойму. – Пальцы нащупали на лбу вздувающуюся шишку. – Я вон голову разбил, руки обжег, а ты цела-целехонька.

– Хочешь, чтобы я тоже в синяках да ожогах корчилась?

– Нет, конечно. Я удивляюсь.

– Просто ты еще не освоился. – Алиса по-хозяйски скрестила руки на груди. – Мы же привыкаем к своим домам да кухням, а ты у меня в гостях впервые.

– Все равно. Тут тоже навыки нужны, а ты и с газом управляешься, и со всеми этими банками-склянками, и по улице вон как вышагивала.

– Потому что все это тут. – Алиса постучала себя пальцем по виску. – Память, которую мы ежедневно тренируем. Когда я выхожу на улицу, я мысленно разворачиваю карту города. Она не совсем такая, как у обычных людей, но в чем-то похожа. Я иду и знаю: сначала девяносто шагов прямо, потом сорок пять налево, и так далее.

– Ты что, правда считаешь шаги?

– Нет, конечно. Хотя раньше считала. А теперь все на автомате. Если часто ходишь одним и тем же маршрутом, начинает работать моторная память; где-то помогает трость, а где-то звуки с запахами. Пахнуло с правой стороны ароматом выпечки – значит, рядом хлебный киоск, встречается аптека – там тоже свой специфический запах, так что и шаги считать не надо.

– Ловко!

– Еще бы! Но ориентация не главное. Есть ученые, что всерьез верят в феномен замещения. То есть в пробуждение древних способностей. Вышел из строя один сгусток нейронов, его функции постепенно берут на себя соседние нейроны, понимаешь? А еще у нас есть такой загадочный участок мозга – гиппокамп называется. Тоже очень важный орган. Во-первых, он производит новые нейроны, это нейрогенезом называется, а во-вторых, именно он формирует нашу кратковременную память, после чего превращает ее в долговременную.

– ОЗУ и ПЗУ, – перевел я. – В смысле оперативка и жесткий диск.

– Ну да... Для незрячих это очень важный момент, поскольку именно гиппокамп помогает нам в пространственном ориентировании. У него есть особые клетки, которые называют нейронами места. Они и помогают рисовать мысленную карту. Но еще интереснее другое! – Голос Алисы снизился до шепота. – Многие всерьез верят, что этот отдел мозга способен предсказывать будущее.

– Будущее?

– Ну да! Если гиппокамп работает со временем и формирует наше настоящее и прошлое, почему бы ему не моделировать будущее? Интуиция и предчувствие – это ведь не выдумка. Благодаря гиппокампу мы смутно воспроизводим картинку нашего возможного будущего. Кто-то ощущает тревогу, а кто-то, наоборот, предвкушает удачу, понимаешь? Получается, что гиппокамп помогает нам ориентироваться не только в пространстве, но и во времени!

– Направо свернешь – шею сломаешь, налево сгуляешь – коня потеряешь...

– Антон, я серьезно! Помнишь, мы говорили про страхи? Возможно, и здесь участвует этот отдел мозга.

– Ты хочешь сказать, что все трусы – это без пяти минут пророки?

– Ну... В каком-то смысле да. Они более обостренно чувствуют надвигающиеся угрозы.

– Хорошая отмазка...

– Антон, я совершенно о другом!

– Да понял я... Конечно, заглядывать в будущее – это круто. – Я смутился. – Только куда важнее, чтобы это самое будущее у нас у всех было.

Алиса резко развернулась ко мне. Это было настолько неожиданно, что я перепугался.

– Ты чего?

Какое-то время она молчала, и только пальцы ее нервно сжимались и разжимались. Я неуверенно взял их в ладони, стиснул, заставив замереть.

– Чего ты, Алис?

– Я... – Она как-то неестественно улыбнулась. – Не знаю... Наверное, я не про то думаю. Это ведь на самом деле отговорка. Или как ты говоришь – отмазка. Чувствуешь страх – и чего-то важного, может быть, самого главного не делаешь, правда?

– Ну... Наверное, – предположил я без особой уверенности. – Если бы все кругом верили в свои страхи, мир давно бы впал в кому. И торчал бы в ней до второго пришествия.

– Конечно, ты прав. Я такая дурында...

Чуть отодвинувшись от меня, она раскинула руки и неожиданно закружилась на месте – легко, как балерина.

– Это что? Танец такой? – Я совсем ошалел.

– Мое любимое упражнение. – Алиса ни на мгновение не замедлила своего кружения. – Только надо обязательно по часовой стрелке, и тогда получается, что ты заводишь пружину.

– Какую пружину?

– Пружину времени.

– Как у тех китайцев?

– Умничка!

Продолжая вращаться, Алиса рассмеялась, а я ошарашенно кивнул.

В самом деле, чего проще: хочешь быть молодым, шагай себе задом наперед или кружись по часовой стрелке. До полного младенчества и окончательного поглупения. Последнее со мной, верно, и приключилось. Во всяком случае, я отчетливо понимал: сегодня я связался с девчонкой сказочной, удивительной и стопроцентно сумасшедшей.

Глава четвертая

Урок с Эсэмом

(За 30 дней до катастрофы...)

Своего кабинета у Эсэма не водилось. Как-то вот обделили нашего любимого препода. Поэтому уроки изо у нас обычно проходили где попало. Помню, несколько раз нам приходилось заниматься и в физзале. При этом Эсэм не роптал и, как нам казалось, даже находил определенное удовольствие в затянувшемся путешествии по школе. Сегодня в одном кабинете, завтра в другом – прямо как в турпоходе.

Звали его Сергей Александрович Малышев, но мы именовали его по первым двум буквам имени и фамилии – «Эс» и «Эм». Между прочим, и сам предмет «изобразительное искусство» у нас оставили вопреки учебному расписанию. Так уж вышло, что обществознание вести было некому, и пустоту заполняли случайные волонтеры со стороны – то учитель истории, то завуч, а то и вовсе учителя английского с немецким. В конце концов брешь закрыл наш героический Эсэм – однако при условии, что ему сохранят уроки рисования. Так и уцелело у нас изо. Что же касается изменившегося обществознания, то оно стало одним из увлекательнейших школьных предметов. Многие в классе всерьез полагали, что Эсэм с легкостью мог бы подменить половину учителей. Должно быть, о том же самом подозревали и сами педагоги, потому и не давали Эсэму собственное помещение, потому и выживали правдами и неправдами из школы. Любили, уважали – и все равно выталкивали из общего гнезда как опасного конкурента, как фон, на котором все они блекли и жухли. Будь у Эсэма характер почерстнее, давно бы выкинули на все четыре стороны, но наш учитель изо был добр, мудр и сказочно обаятелен, что и удерживало его на поверхности школьных вод вопреки всем известным законам физики. Бабочку – ее ведь тоже не у всякого поднимется рука прихлопнуть. Вот и для наших учителей Эсэм был подобием диковинной бабочки.

Сегодня мы занимались в классе малышей, учительница которых благополучно заболела. Заходившие в помещение тут же принимались хихикать и неуклюже примерялись к крохотным партам.

– Как мы только сюда влезали?! – Долговязый Олежа Краев, рост которого уже пересек пограничную черту в метр девяносто, попытался уместить себя за столешницу первоклашек и опасно застрял.

Вдоволь поиздевавшись, бедолагу кое-как выдернули обратно.

А еще в классе стояло пианино, за которое, дожевав столовский бутерброд, немедленно пристроился Славка. Тут он, пожалуй, смотрелся вполне органично – прямо ковбой на лихом скакуне. Дверь тут же прикрыли, а Славка, разогрев пальцы на «Собачьем вальсе», заиграл нечто роковое с хулиганскими аккордами. Как-то вот получалось у него это – чуть ли не экспромтом. Он и на нас при этом поглядывал, точно заправский тапёр.

Взгромоздившись на парты, парни уважительно хмыкали, девчонки стояли обособленными кучками и, скрестив на груди руки, тоже внимательно слушали. Улька Дёмина, наша первая королева красоты, как и положено, стояла в окружении свиты. Лариска Завьялова (мы звали ее Герцогиней) паслась там же, косясь то на Славку, то на меня.

Я тоже косился. Поочередно на всех одноклассников. Так, должно быть, действовала на нас музыка – бередила струнки, которые в обычном состоянии безмолвствовали.

Гудящее пианино озвучивало то, о чем стеснялись говорить вслух, но, конечно, знали все присутствующие. Знали о том, что сам Славка старается сейчас исключительно для Лариски, что большая часть девчонок вовсе не прочь занять ее место, да только надеяться на это смешно. Он ведь и французский зубрил, и по клавишам долбал – все только чтобы завоевать ее внимание!

Сам я когда-то долго и преданно любил Ульку. Любил до тех самых пор, пока не повстречал Алису. И что-то скоростижно случилось с моей прошлой любовью – забылась, пожухла, будто и не было. Впрочем, Улька про это ничего не знала, по-прежнему порхая там и сям, сознательно кружа головы, денно и ночью закрепляя свой статус королевы, без которого она, вероятно, уже не видела смысла посещать школу. Возможно, по этой же причине на Славку она поглядывала с особым недоумением, и это подмечали все. Глаза у нее в такие минуты становились то злыми, то по-коровьи грустными. Да и с Лариской она вела себя крайне непоследовательно – периодически ссорилась, нехотя мирилась.

Самой же Лариске все было фиолетово. Ее и Герцогиней прозвали не только за точеный носик и аристократический овал лица, но и за независимый характер: ни Славку, ни Улькиных подколов она в упор не замечала. Потому что с некоторых пор активно осаждала совершенно иного субъекта. Лишь относительно недавно до меня абсолютно по-жирафьи дошло, что этим субъектом являюсь я. Разумеется, кроме нас в классе достаточно было и других любовно-геометрических аномалий, но мне, честно говоря, за глаза хватало и выше-указанных...

– А теперь, *mesdames et messieurs*, то же самое, но в стиле «рэгги»! – с блюзовой хрипотцой объявил Славка, и пальцы его запорхали по клавишам особенно резво.

Ноты шариками скакнули по помещению, кое-кто стал пританцовывать, парни ладонями взялись постукивать по партам и коленкам. Я бросил горделивый взгляд в сторону девчонок. Как минимум треть из них успела провести немало лет в музыкальных школах, однако никто не осмеливался подойти к инструменту и помузицировать после Славки. А он ведь ни в какие музшколы не хаживал, всю нотную грамоту осваивал исключительно по Интернету! Одним словом – самоучка-самородок.

Дверь тихо отворилась, и, держа под мышкой объемистую стопку ватманских листов, в класс вошел преподаватель Сергей Малышев, наш несравненный Эсэм – невысокого ростика, с аккуратной бородкой и седой косичкой на затылке, безбрежно спокойный, неизменно улыбочивый. Заметившим его ребятам он со значением подмигнул и беззвучно приложил палец к губам. Дескать, не стоит мешать маэстро. Пусть играет. Потому как на самом деле получалось здорово.

Глядя на него и Славку, я подумал, что завидую тому и другому. И не какой-то там белой или черной завистью, а просто люблюсь этими двумя людьми и недоумеваю, почему сам я расту балбес балбесом и никогда, наверное, не сумею ни так улыбаться, ни так играть.

– Вау! – Славка все-таки почувствовал появление учителя и, выдав торжественный аккорд, вскочил с места. – Рота, смирно! Тарщ генерал, рота обормотов для торжественного парада построена. Дежурный по роте Ивашев Эспэ.

– Вольно, Ивашев Эспэ! – Низенький Эсэм немедленно приосанился, войдя в генеральскую роль, величественной поступью прошествовал к столу, выложил принесенный ватман и, озирая наши смешливые лица, подкрутил свои небольшие усики. Бархатистым голосом протянул: – Тэ-экс... Не вижу отсутствующих.

– Потому как отсутствуют, – поддакнул Славка и чуть тише добавил: – Канальи!

– Что ж, граф, в целом я доволен. Присаживайтесь. И вы, юные леди, и вы brave юнкера.

– Никак невозможно-с, – продолжал дурачиться Славка. – Сами извольте видеть, парты для первоклашек.

– Упс! – Эсэм покачал головой. Смутить его было невозможно. – И что мы думаем по этому поводу?

– Полагаю – интриги-с. Завистники и все такое. *Oh, ces intrigues, votre excellence!* – Французский у Славки был безупречен.

– Не страшно, мон шер. – Эсэм величаво махнул рукой. – Значит, будем рассаживаться на полу.

– На полу? – возмутился кто-то из девчонок.

– Именно! Представим, что мы на пленэре. Ну, или на пикнике – кому что предпочтительнее. Пол деревянный – не простынете.

– Но там же грязно!

– Ревнителям чистоты я раздаю газетки и обложки от тетрадей, а кто не желает сидеть, приглашаю к доске. Будем рисовать мелками стоя. – Эсэм окинул нас искрящимся взором. – Сегодня, господа, рисуем эмоции. Не простенькие эмотиконы, а гримасы ужаса, восторга, любви и недоумения. Для тех, кто не в курсе, что это такое, просьба подойти к зеркалу – я вижу одно такое у входа. Цель урока – осмыслить магию глаз и магию улыбки.

– А магию гнева? – переспросил кто-то.

– Всенепременно! Но исключительно как контрапункт, важный для понимания главной жизненной изюминки.

В классе зафыркали.

– И в чем заключается главная изюминка?

– А вот на этот вопрос вы мне сегодня сами и ответите. Желательно рисунками...

Иногда и жирафы способны на скоростные поступки. Если честно, сидеть на полу и анонимно черкаться в альбоме мне не очень хотелось. Куда прикольнее было работать у доски, постоянно общаясь с Эсэмом с помощью мелков, тряпки и чумазных ладоней.

Хитрецов вроде меня выскочило еще человек шесть, но странным образом места хватило всем. Зашуршала бумага, заскрипели мелки – дело пошло. А вскоре из-за хохота уже и не стало ничего слышно. Смеялись над тем, что изображали сами, а больше всего – над комментариями учителя.

– Все верно, мимику проще задать морщинками, но если мы рисуем ребенка – какие могут у него быть морщинки! Взгляните друг на друга, улыбнитесь по-настоящему – и вы увидите, что наши глаза светятся...

Моя рука с мелом сама собой опустилась. Я сразу вспомнил Алису, вспомнил ее глаза. Что-то ведь в них тоже было такое. Определенно – какой-то свет! Может, она его и не видела, но я-то еще не ослеп. Когда она улыбалась, в глубине глаз зажигались крохотные огоньки, а если хмурилась, огоньки гасли.

Блин!.. На минуту-другую мне стало грустно. Прямо будто под дых врезали. Мой мелок вполне самостоятельно изобразил на доске унылую физиономию. До того унылую, что я сразу понял: это автопортрет...

* * *

В середине урока, должно быть заслышав басовитый гогот, к нам заглянула завуч Элла Витальевна. По классу тут же подобием взрывной волны раскатился запах ее умопомрачительных духов. Кое-кто полагал, что это было своеобразной защитой завуча от нашего брата. Во всяком случае, приблизиться к ней было непросто. У иных деток кружились головы, рассказывали даже про случаи обмороков...

В кругах старшеклассников ее прозывали Эллочкой-людоедкой, хотя ни человеческим, ни каким другим мясом она не питалась. Будучи убежденной вегетарианкой, школьный завуч предпочитала питаться иными материями – возможно, именно поэтому была еще по совместительству школьным психологом.

Так или иначе, но сейчас взгляд ее был строг, губы поджаты. Да и как иначе она должна была реагировать? Вместо стройных ученических рядов в классе наблюдалась мешанина тел, вместо благостной тишины – откровенный галдеж. Кто-то из самостийных художников и вовсе разлегся на полу, многие сидели на детских партах, и все это анархическое безумие тонуло в несанкционированном хохоте.

– Атаc! – брякнул Димон.

Шум тут же пошел на спад.

– Я вижу, тут у вас... – начала было Эллочка.

Но чудный наш Эсэм находчиво вскинул ладонь:

– Минутку, Элла Витальевна!

– Что вы себе...

– Внимание! – властно обратился к классу Эсэм. Когда он хотел, голос его приобретал рокочущую мощь. – Всем и каждому рисую задачу и жду пояснений! Самых трепетных и талантливых!

Конечно, мы развернулись, подняли головы и вытаращили глаза. Если Эсэм к чему-то призывал, это было неспроста.

– Элла Витальевна, могу я попросить вас взглянуть на эту вазу с цветами? А еще лучше – приблизиться к ней и осторожно коснуться кончиками пальцев. Совсем чуть-чуть!

Ёшкин кот! Как же он это произнес! И не произнес даже, а пропел! Уже и не рокот звучал в его голосе, а некое весеннее журчание.

– Да, но зачем? – растерялась завуч.

– Честное слово, вы сами все поймете. Для нас это крайне важно!

Точно под гипнозом Элла Витальевна подошла к стоящей на учительском столе вазе с цветами, опасно погладила ее рукой. Эсэм с замиранием следил за ее движениями.

– Ивашев, Перелегин! Впрочем, вопрос адресован всему классу: дайте художественную оценку тому, что вы сейчас увидели.

– Грация – дочь Юпитера! – воскликнул начитанный Славка.

– Очарованная странница! – поддакнул Перелегин.

– Так... Кто-нибудь еще? – Эсэм обвел класс сияющим взглядом.

И мы не заставили себя ждать.

– Модель на подиуме! – объявила Ульяна.

– Ангел в полете, – бархатным голоском проворковала Лариска.

– Диво дивное!

– Сестра милосердия!

– Юная парижанка! – брякнул расхрабренный Олежа.

– Замечательно! – Эсэм даже похлопал в ладоши, мимолетно потрепал по голове Вовку Зорина, молчавшего как рыба. – Мне, честно говоря, понравилось больше всего определение маэстро Ивашева. Ой, не зря представители неоплатонической эстетики определяли грацию как сокровенный вид красоты, который нельзя измерить с помощью пропорций и определить рациональным путем. Именно это я и имел в виду, рассказывая вам о сиянии глаз. Именно это нам продемонстрировала сейчас Элла Витальевна. Полагаю, с нашим заданием она справилась блестяще. Кто и какую оценку ей поставит?

– Твердое «пять».

– Чего «пять», можно и шесть баллов! Потому что экспромтом и неожиданно, – бухнул Максим.

– Серьезный аргумент, – кивнул Эсэм. – Принимается.

– А по десятибалльной шкале можно и все двенадцать дать. Потому что на публике. Я бы точно так не смогла!

Это, конечно, опять Лариска подмаслила. Эсэм не зря первыми вызвал Максима Перелегина и Славку Ивашева – двух самых говорливых и сметливых из нашего класса. Еще и Лариску к этим двоим можно было приплюсовать. Вот я бы не сообразил так сразу. Хоть и стоял совсем рядом.

– Огромное спасибо, Элла Витальевна, за этот маленький эксперимент! – Шагнув к завучу, Эсэм церемонно склонил голову.

– Ох, Сергей Александрович, какой же вы льстец!

– Ни боже мой! – с чувством произнес Эсэм. – Поверьте, я не мог упустить столь редкий случай. Прошу заходить к нам почаще! Правда, ребятаки?

– Да-а!!! – в тридцать глоток пропело и проревело наше стадо.

Завуч потрясенно взглянула на класс, затем на нашего учителя, и трудно было сказать, чего ей больше всего хочется – то ли расцеловать Эсэма, то ли швырнуть в него цветочной вазой. Хотя, возможно, ей хотелось того и другого сразу.

Когда завуч вышла, Эсэм вновь выразительно приложил палец к губам. По счастью, ума не рассмеяться у нас хватило.

– А теперь, дорогие мои комбатанты, продолжим урок, – объявил наш любимый учитель. – К эмоциональным чертам предлагаю добавить и грацию.

Никто, разумеется, не возражал.

* * *

А потом были другие учителя и другие уроки, только все они смазались в одно туманное марево. После изо и эсэмовского обществознания воспринимать что-либо всерьез было уже невозможно. Славка так и высказался однажды, посулив, что много лет спустя после школы мы, наверное, никого и не вспомним, кроме нашего Эсэма. Уроки рисования, его шуточки и афоризмы, экскурсии в античную историю, разговоры об эпохе Ренессанса – только это в нас и останется...

– А проволоки у тебя случайно нет? – спросил я у Славки, когда мы выходили уже из школы.

– Медная, алюминиевая?

– Стальная – и не меньше пяти миллиметров в диаметре.

– Ого! Откуда я тебе такую возьму? – Славка прозорливо прищурился. – А тебе для чего? Для Башни?

Я тут же расстроился. И про грацию этот умник быстрее всех сообразил, и про Башню догадался. Но не рассказывать же ему про туман, про загадочную встречу на Пятачке. Поэтому я сказал совершенно другое:

– Это для качелей. Алиса просилась покачаться, а там поручни не слишком надежные.

– Хочешь примотать ее к сиденью проволокой?

– Пошел ты...

– Ладно, ладно – шучу!

– Ты шутишь, а мне Юлия Сергеевна опять распекон устроила.

– Это ты про ее учительницу?

– Ну да. Она их возит по различным мероприятиям и по юнкоровским делам самая главная. Телефон откуда-то узнала, самолично звонила, ругала за качели.

– Погоди, она-то как про них узнала? Настучал кто-то?

– Так Алиска сама и рассказала.

– Ни фиги себе! C'est fantastique!

– Такие уж у них отношения. Алиса ее обожает, доверяет во всем, ну а та, само собой, держит охламонов вроде меня под прицелом. Короче, проволока нужна – и покрепче.

– Ну... Это надо у трудовика спросить.

– У Дормидонтыча?

– Ага, только ты к нему не суйся. – Славка глубокомысленно изогнул правую бровь, надломил левую. Здорово у него это получалось. Я как-то тужился перед зеркалом – ничего не вышло. – Он тебя в три счета заболтает, а там и поругается.

Я погрустнел. Славка был прав. Дормидонтыча, нашего трудовика, переболтать было невозможно. Он поучал и наставлял, любил тыкать пальцем в грудь, заглядывать в лицо. На

уроках его мы без конца писали диктанты и сочинения – Дормидонтыч явно что-то напутал в своем образовании. Во всяком случае, за те годы, что мы учились у него, напильники с молотками мы держали в руках раза три или четыре. . .

– В общем, попробую. – Славка перестал играть бровями и заговорщицки мне подмигнул. – На практике испытаю систему Эсэма. Видел, что он с Эллочкой-то сотворил! Считаю, праздник ей на весь день устроил. – Славка помолчал. – Да и нам тоже.

Я подумал, что мой друг, наверное, гений или мудрец, и чуточку разозлился. А потом успокоился и даже порадовался. Сначала за Славку, потом за себя. Поскольку вовремя сообразил, что умение радоваться за других – это тоже дар. Как у Алиски или того же Эсэма.

Глава пятая

Вермишель Ариадны

(За 163 дня до катастрофы...)

Пора было собираться, но я все тянул и тянул. Лежал себе на койке и мысленно рисовал на потолке Алису. Так у меня теперь постоянно получалось: если не думал о Башне, тут же всплывала Алиса – с развевающимися волосами, с рукой, тянущейся в неведомое, с этой ее невыносимо-каштановой мукой в глазах. А потом вновь проявлялась Башня – и странным образом сливалась с Алисой. Иногда я даже переставал понимать, о чем и о ком я думаю. Даже приходило на ум совсем чудное: вместо сравнений Алисиных талантов со Славкиными, я начинал вдруг сравнивать мою подругу с Башней! И когда мысленно говорил «она», то относил это сразу к человеку и строению. Даже незаконченность Башни некоторым образом увязывалась с незрячестью моей подруги. Наверное, нельзя было так думать, но я никак не мог отделаться от подобных мыслей. Судьбы – они ведь не просто пересекаются, они могут и тесно переплетаться. Пройдет, скажем, пять или десять лет, Башню наконец-то достроят, и у Алисы со зрением все тоже наладится. Медицина-то не стоит на месте! А может случиться и обратное: слухи-то всякие ходят. Руферы уже не раз поминали про дрожь Башни, про грядущий демонтаж. Вроде как нашлись богатенькие «буратины» – зашли с шоколадкой в администрацию, выкупили Башню со всеми ее железобетонными потрохами. Выкупили не для того, чтобы достроить, – сдалась она им! Выкупили, чтобы развалить на кусочки и освободить место под очередное увеселительное заведение.

Я попытался вообразить на известковой поверхности потолка Башню, но у меня снова получилась Алиса. Стоило переместить взгляд правее, и нарисовалась Алиса номер два. Это уже Эсэм приучил нас рисовать что угодно и на чем угодно: на бумаге, на земле и снегу, на самых обычных стенах и потолке. Вот я и старался – усадил обеих Алис на высоченного коня, вокруг разбросал непроходимые заросли. Еще одна Алиса, уже третья, самовольно проявилась на одном из деревьев. Причем на коне мои образы улыбались, на дереве – нет. Я вновь переместил взор, и из белесой мути трудно и не сразу выцарапался ее портрет – неясный, точно выполненный слабо разведенной акварелью. В темных, непроглядных очках...

Места на потолке оставалось еще много; теперь я видел ее тут и там – смеющуюся, горящую, сердитую и насупленную. Между прочим, в реалиях сердитой я ее еще ни разу не видел, а тут вот получилось...

Чуть ниже, непрошенное, всплыло личико Лариски, а за ней, конечно, нарисовался и Славка – как без него! А там пошли прорастать неведомые травы и утыканные колючками кусты, из них потянулись морды, черепа и челюсти – все зубастые, неприятные, ползущие вверх, к моим друзьям. Созерцать этот театр теней стало страшновато. Одним махом я стер все рисунки, рывком поднялся. Почти машинально подхватил со стола костяшки, взялся выбрасывать шестерки и уложился в десяток бросков – совсем даже неплохо!

Только тело все равно болело, а шишка за ухом пульсировала, точно второе сердце. Но так уж вышло... Если договорились, надо было сходить – я и ходил. И получил сполна, хотя, конечно, все могло быть и хуже. С таких «стрелочек» нередко переезжают прямоком на больничную койку. Бывает, и вовсе не возвращаются, а я вернулся и даже собирался сейчас топтать к Алисе.

* * *

Еще через полчаса я и впрямь топал. Точнее – плелся, не стесняясь прихрамывать и время от времени останавливаясь. Ныли ребра, ёкало колено, и продолжала набухать гематома на голове. А я шагал и воображал себя узником, удравшим из плена. Ну да! Сбежал и столкнулся с охраной. Всех моих друзей положили, и только я с множественными ранениями умудрился вырваться...

Я свернул за угол, из-под самых ног шагнуло нечто черное и большое, заставив споткнуться. Крыса? Кошка? Не сразу я сообразил, что это моя собственная тень, а когда понял, с облегчением рассмеялся.

Заглянув в магазин, заставил себя не горбиться и даже до кассы добрался, практически не хромя. Купил коробку фруктового ириса, а для себя взял драже с витаминами и жевательную резинку. Вроде и не попадали мне по лицу, но отчего-то сохранился на губах жестяной привкус. Бывает иногда такое – после крепкого прилета в челюсть...

Вновь оказавшись на улице, я огляделся. Далеко-далеко угадывалась компания незнакомых ребят. Скорее всего, ничего жуткого, но испытывать лишний раз судьбу не хотелось. Смирив гордыню, я повернул в обход – шагов на двести дальше, зато обойдется без повторных раундов.

Какое-то время я напряженно вслушивался. Кто-то явно шагал за мной. Дважды я останавливался, шаги за спиной послушно замирали. Но стоило возобновить путь – и снова шуршали чьи-то шаги. Не выдержав, я обернулся. Елки зеленые, да пустая же улица! Что еще за мистика! Я тряхнул рюкзаком и сразу услышал знакомое шуршание. Вот вам и мистика! Это драже перекатывались в бутылочке! А звуки были и впрямь похожи на чьи-то шаги.

Неожиданно я разглядел под ногами рассыпанную вермишель. Колонной червячков она ползла в неведомом направлении. Пока нам было по пути, я тронулся вслед за колонной. Еще и предысторию себе скоренько нарисовал. Ну да – у кого-то прохудился пакет, и через дыру мучные изделия посыпались наружу. Тоже, считай, рванули в побег, на волю. Пока доберется человек до дому, половину просыплет. А если дом далеко, то и весь товар оставит на дороге. Голубям да воробьям на радость.

Я тут же вообразил себя сыщиком, идущим по следу. Может, ускориться, догнать и перекрыть течь? Заткнуть пробойну пластырем и предотвратить гибель судна?

Мысли в голову полезли престранные, и я вновь подумал, что по совету Славки стоило перед дракой натянуть на черепок лыжную шапочку. Пусть жарко – зато сохраннее. А так получилось легкое сотрясение мозга, и как итог – сумасбродное мельтешение непривычных картинок.

Я неожиданно предположил, что, может, и не в лопнувшем пакете крылась загвоздка, что это пришелец с неведомой планеты метил таким образом дорогу. Все равно как древнегреческий Тесей в лабиринте Минотавра. Только там ему Ариадна клубок с нитками дала, а здесь клубка не нашлось, вот и приобрел инопланетный гость килограммов пять вермишели. Навесил торбу на плечико и отправился в путь-дорожку секреты наши выведывать: сколько и где собак бродит, каких размеров кулаки у прохожих, много ли у нас машин и какие решетки стоят на окнах. Вот так, понимаешь, соберут информацию, узнают все наши слабые места и спустят потом десант в виде циклопов-минотавров. По этой самой вермишелевой дорожке тут же и прискачут в главное логово!

Сумасшедшее бурление в голове никак не унималось.

В самом деле, может, у них технологии такие, что они сами в виде вермишели сюда переместились? Ты, значит, варишь ее, поедаеть, а эти ребята – хлоп! – и внутри тебя маленький переворот производят. Твое собственное «я» от власти отстраняют, а во все важные органы –

от печени до гипофиза – таких вот вермишелеподобных менеджеров сажают. И, как на аватаре, потом дергают себе за рычажочки да кнопочки разные нажимают...

Я до того увлекся фантастическим бредом, что преспокойно перешел дорогу на красный свет. Какая-то машина скрежетнула крышкой, что-то сердито прокричал водитель, но я был увлечен более насущным процессом – пытался выявить, кто я на данный момент – я или не я? Возможно, вторжение уже началось, а мы тут копыя ломаем да пальцы гнем – ищем собратьев по разуму, до сих пор полагаем себя царями природы. Им ведь, наверное, выгодно, чтобы мы так думали. Чтобы без бузы и без паники, чтобы все авианосцы и ракеты мирно стояли на приколе. А на деле все у них давно схвачено, и наверняка общаются между собой на каких-нибудь пси-волнах, потешаются над своими укрощенными биороботами. И возможно, те из нас, кто проделывают необычные вещи, как раз и являются аватарами, выходящими из повиновения? Тот же Славка, к примеру? Или Алиса...

Я даже замедлил шаг. А ведь за это и впрямь могут лишиться зрения! Тех, кто решается увидеть запретное и для человеческих глаз вовсе не предназначенное! Хотя... Это меня что-то совсем занесло. Не туда и не вовремя...

Между тем рассыпанная вермишель вывела на автобусную остановку и там оборвалась разрозненным многоточием. Я разочарованно замер на месте. Спасти человечество, а заодно и незадачливого покупателя не удалось.

Я скорректировал направление, ускорил шаг и очень скоро оказался возле дома Алисы. Здесь еще раз бдительно осмотрелся, но никто меня не преследовал. Ни дворовые ковбои, ни пришельцы из иных миров. И все-таки у самого подъезда меня охватила странная робость – до того неожиданная, что я бессильно опустил на лавочку. Вышедшая на улицу бабуля с авоськой окинула меня подозрительным взглядом. Я тоскливо посмотрел вверх, отыскивая Алисины окна. А вдруг меня даже на порог не пустят? Мало ли кто и куда зовет! Известно же, что в гости зовут обычно из вежливости. Потому как незваный гость – он хуже рекламы, а что может быть хуже рекламы? Но и торчать бесконечно на лавочке тоже было нельзя. Вернется из магазина бабуля, вызовет полицию, скажет, что вермишель у нее стянул. Или того хуже – родители Алисы нарисуются... Нет, зря я, пожалуй, сюда притащился.

Сделав над собой усилие, я все-таки поднялся по ступеням на крыльцо. Перед тем как войти, тщательно высморкался. Платок сразу стал красным от засохшей кровищи. Красота!

Номер квартиры был простым и веселым – семьдесят семь, а еще более веселой получилась наша встреча.

– Антош, ну сколько же можно! – Она открыла раньше, чем я поднес руку к кнопке звонка. – Я жду и жду, а ты все не поднимаешься.

– Тебя учили, что нельзя открывать без спроса? – Я понял, что губы мои непроизвольно расплываются, а настроение стремительно перекрашивается в яркие цвета радуги.

– Да ну тебя! Я ведь знала, кто стоит за дверью.

– Как это?

– Такой уж у нас отменный слух, привыкай. Даже слышала, как ты шаркаешь по асфальту. Еще гадала, чего он там на лавочке застрял? Неужели зайти боится? Может, он вовсе и не орел парящий?

Она еще и насмешничала!

– Я орел, уважающий жердочки с лавочками, – неловко пошутил я. – И не парящий, а сидящий...

Глава шестая

Ириски и гости

Пусть появился я квелым и побитым, зато с коробкой ирисок. Главным же моим сюрпризом была песня. Я специально ее на плеер перебрал. Подарки вообще вещь сложная, но тут я решился. Наперед знал, что будут угощать чаем, а какой чай без сладкого?

О коробке Алиса пока ничего не знала, привычно суежилась у плиты, заваривала какие-то травки-муравки.

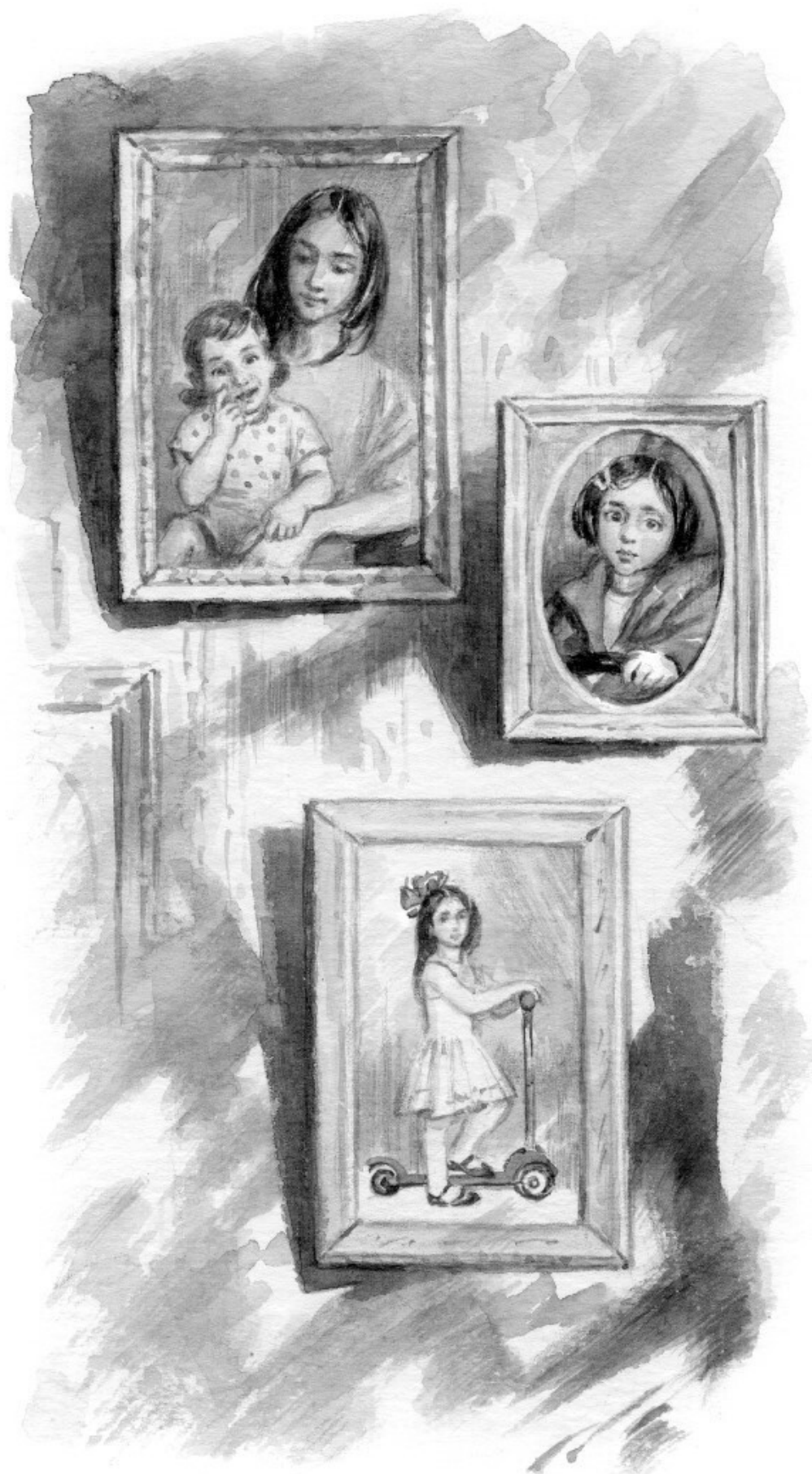
– Можно, я руки помою? – спросил я.

– Конечно, зачем спрашивать? Дорогу ты знаешь...

Это верно, дорогу я помнил.

Пройдя в ванную, я ополоснул лицо холодной водой, заодно осмотрел себя в зеркале. Глаза недоспавшие, на лбу сердитая складка, костяшки на руках сбиты – хорошо, что всего этого Алиса не видит...

Возвращаясь по коридору, я не удержался и заглянул в незнакомую дверь. Кажется, это была спальня ее родителей. На всех четырех стенах висели картины и фотографии. Не очень отдавая себе отчет в том, что делаю, я шагнул в комнату и ахнул. Отовсюду на меня глядела Алиса! Маленькая – в очках и совсем крохотная – без очков, глядящая в небо, на какие-то безделушки и в никуда. Один из снимков меня и вовсе притянул как магнитом. Красивая статная женщина держала Алису на руках, а малютка пальцем показывала в камеру. И видела! Стопудово все видела! Фотоаппарат и того, кто их снимал, – должно быть, отца или другого какого родственника. Рот полуоткрыт, в глазенках восторг – наверное, ждала птичку, что вот-вот вылетит. А птичка все медлила и, как обычно, не вылетала. На соседнем фото Алиса красовалась в коляске – внимательно так смотрела, совсем даже не по-младенчески. На соседней и более поздней фотографии ей было уже годика три или четыре: она стояла, придерживая за руль красный самокат...

Я двигался вдоль стены, как по картинной галерее. Тут Алиса что-то рисует, а здесь нюхает одуванчики, здесь на море с родителями – держит в руках рапану – и практически везде улыбается.

Вдруг подумалось, что у меня-то подобной галереи никогда не было. Тоже, конечно, завалились в альбомах детские кадрики, однако в количестве куда более скромном.

Я вернулся к фото, где маленькая Алиса показывает в объектив пальцем. Ну да, теперь я не сомневался: она все прекрасно видела. И радовалась-то как! Не знала еще, что ее ждет. Хотя она и сейчас радуется. Музыке, новостям, каждому дню...

Со зрением у меня что-то случилось: фотографии, обои – все куда-то поплыло. Мазнув по глазам ладонью, я спешно покинул комнату.

– Антон? Все в порядке?

– В полном, – отозвался я. – А как там леденцы поживают? До сих пор живы или случилось отмыть?

– Отмыли, оторвали, отдраили! – Алиса рассмеялась. – А потом ополоснули кипятком и съели.

– Что, весело было? – Я попытался по выражению ее лица угадать, как оно все прошло на самом деле. – Досталось тебе, наверное?

– Да нет, обошлось. Папа даже признался, что когда-то тоже готовил такие леденцы.

– А мама что сказала?

– Мама про тебя пыталась больше разузнать. Целый допрос мне устроила.

– Понятно... – промычал я.

– Что тебе понятно?

– Ну... На ее месте я тоже поспрашивал бы. А то привела в дом непонятно кого, а он еще и сахаром все перепачкал.

– Да ладно тебе! Сейчас чай с душицей будем пить. А я тебе еще трав с Алтая добавила. Мертвого могут оживить.

Значит, про «мертвого» она тоже что-то такое почувствовала.

– Оживить – это хорошо, – пробормотал я. Глядя на суетящуюся хозяйку, заметил: – Чашки у вас прикольные.

– Это мама собирает. Она обожает чайные церемонии. У нас и пиалы есть, и японские тэммоку. А это вот китайская чаегуань – специальная коробочка для чая. Ну а наливать удобно из этой посуды. Название у нее – гундаобэй.

– С ума сойти!

Алиса выглядела довольной.

– Это точно. Мама считает, что чаем можно весь мир изменить и вылечить. А я у нее главный эксперт.

– Кто бы сомневался. – Я сипло откашлялся.

– А что? Я и Конфуция с ней постоянно читаю. Это древний китайский философ. Обожаю его. А тебе он нравится?

Я промычал нечто невразумительное. Да и что тут скажешь? «Нравится»!.. Конфуций не девчонка, чтобы нравиться. Знать бы еще, что он там нафилософствовал...

– Вот послушай, – продолжая суетиться с посудой, Алиса нараспев произнесла: – «Если тебе плюют в спину, значит, ты идешь впереди». Это его изречение. Здорово, правда?

– Ну... – Я растерялся. – Вообще-то не очень прикольно ходить оплеванным.

Алиса рассмеялась.

– Или вот другое: «Если ты ненавидишь, значит, тебя уже победили».

Я задумался. Сказанное было уже несколько ближе к жизни, но от попытки с ходу вникнуть в непростую мысль голова моя странным образом превратилась в подобие шарика и

строптиво поплыла к близкому потолку. Прямо жуть какая-то! И сразу стало понятно, откуда явился глагол «приплыли».

– Это что же – всех нужно любить, получается?

– Вот и задумайся.

– Я пытаюсь. Прямо мозги закипают. Столько всего на меня вывалила...

Я сделал усилие и, поймав уплывшую к потолку голову, кое-как водрузил на место. Мозги решительно не поспевали за словами Алисы. И смешно было, и грустно. Она ставила меня в тупик практически каждой фразой.

– Такая вот я поперёшная, прости.

– Чего-чего? – Я заморгал.

– Это меня бабушка так называла. Болтушей поперёшной – от глагола «перечить». С такими всегда нелегко. Зато папа говорит, что именно из поперёшных чаще всего выходят удивительные личности. Ученые, политики, генералы... Например, Дэвид Бланкетт тоже был поперёшным. Представь себе, этот слепой от рождения англичанин с успехом выучился и стал министром внутренних дел! А еще была такая Хелен Келлер, родившаяся в Алабаме. Она ослепла уже в полтора года, но стала знаменитой журналисткой, играла на многих музыкальных инструментах, выступала перед огромными аудиториями – и тоже из поперёшных! И он, и она вечно спорили, доказывали что-то свое.

Прямо как Славка, подумал я. Он-то у нас точно поперёшный... Следовало срочно уходить от этих заковыристых тем, и я вновь гулко прокашлялся.

– А песню «Алиса» ты знаешь?

– Это у группы «Секрет»? Слышала, конечно.

– И как она тебе?

– Да ничего. – Алиса рассмеялась. – Только это, Антош, однозначно не про меня.

Я растерялся. К такому повороту я был совершенно не готов.

– Но ты ведь это... Тоже вяжешь, как в песне.

– Это, пожалуй, единственное, что совпадает. Но я не только умею вязать – я люблю это делать. Согласись, есть разница. А вот в альбомах, к сожалению, не рисую. И ириски не ем. Совершенно.

– Зубы бережешь?

– Просто не люблю. Вот огурцы соленые хрумкаю только так. И яблоки с мандаринами обожаю. А конфеты-пирожные... Знаешь, когда слушала эту песню, даже жалела свою тезку. Честно-честно! Ну что они ее патокой всю перемазали! Дома в одиночестве да по колено в конфетах ирисках с вечным вязаньем на коленях – брр!.. Она же плюшкой-ватрушкой станет. Чему тут умиляться? Жалко ее.

– Ну... Она все-таки мечтает.

– Мечты – это здорово, но когда их не возделывают, не поливают, они, бедные, усыхают. Вот о прошлом помечтать – это да. Это я тоже люблю.

– Мечтать о прошлом – как это?

Я осторожно потер ноющую шишку за ухом, но никаких мыслей она мне не прибавила. Снова начала болезненно пульсировать, спуская с небес на землю, лишней раз напоминая о том, что у меня-то как раз все в жизни просто и обыденно. Если даже и мечтал, то как положено – сугубо о будущем.

– А разве нельзя мечтать о прошлом? – удивилась Алиса. – По-моему, это даже интереснее.

– Интереснее? – Я ничего не понимал.

– Ну конечно! С будущим – там все просто. Тайна, которую творишь тремя руками, и всё.

– Тремя – это как?

– Да вот так: две руки – твои, а третья рука – неведомая. Перст судьбы и все такое. Вот мы про этот неведомый перст обычно и мечтаем. Чтобы появился и преподнес нам все в готовом виде. С одной стороны – удобно и красиво, а с другой... – Алиса как-то невесело вздохнула. – Лепим-то мы свои сказки даже не из песка, а из тумана. Вот они и не сбываются.

– А прошлое сбывается?

– Прошлое уже сбылось! Потому и путешествовать в нем куда интереснее. Скажем, берешь какой-нибудь эпизод и заново переигрываешь. Шагаешь не вправо, а влево или говоришь то, что не решалась сказать раньше. Где-то с родителями удерживаешься от ссоры, а где-то отыскиваешь чудо-лекарство, которое приносишь в школу, и сразу – бах! – все вокруг прозревают!

Оторвавшись от заварника, Алиса обернулась ко мне. Лицо ее пылало, глаза расширились. Мне снова почудилось, что она меня ВИДИТ. А может, не меня, а что-то свое – рисуемое ее воображением.

– Я ведь всегда любила перебирать травки. Бабушка с мамой приносили, а я по запаху их сортировала. Иногда попадались странные – ни на что не похожие. Я маленькая была – выбрасывала, а может, это оно и было, понимаешь? То самое чудо-лекарство! Чтобы заварить, настоять, а после разлить в пузырьки и принести нашим ребятам... – На губах Алисы заиграла улыбка. – Представляешь, все выпивают по чайной ложечке – и начинается... Мы же друг друга никогда не видели, а тут впервые смогли бы разглядеть! И к зеркалам бы все сразу бросились. Наверное, многие расстроились бы... – Алиса тут же несогласно мотнула головой. – Хотя нет, никто бы не расстроился. Все были бы в полном восторге. У доктора нашего штабелями пришло бы всех складывать.

– Штабелями?

– Ну да! Потому что обморок за обмороком! Бум! Бам! – Алиса даже ладонью прилепнула по столу. Тут же пояснила: – Обморок счастья, Антош. Я бы тоже, наверное, брякнулась. Лет в восемь мне так это было нужно, ты не представляешь. Такая тоска наваливалась. Дома и в школе все время улыбалась, а по ночам плакала. И все вспоминала, вспоминала – прямо всю память себе выцарапала. Картинки все до последней хотела извлечь и сохранить. Звезды, траву, облака, родителей. А они все равно...

– Что – все равно?

– Уходят, Антош. Чем дальше, тем больше расплываются, становятся неразборчивыми. Я и глазами вращаю, гимнастику специальную делаю, а темнота вокруг все гуще и гуще...

– погоди! Ты же говорила, что все помнишь!

– Пока помню. Но уже не все. Невозможно удерживать цвета бесконечно. Это как снег в теплой воде – тает и растворяется. Как же об этом можно не мечтать? Я и мечтаю, Антош. О прошлом, в котором недолго и немного, но все же видела.

Я почувствовал, что по вискам у меня стекают капельки пота. Поспевать за ходом мыслей Алисы было непросто. Они у нее не шли, а мчались, летели. Да еще по таким вольным траекториям... И еще я подумал, что надо поскорее убирать эту чертову коробку с ирисом. Куда подальше. В окно, что ли, выбросить...

– Так что мечты у меня другие... – вздохнула Алиса. – Вовсе не такие, как у той девочки из песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.